

К. Ю. ЛАППО - ДАНИЛЕВСКИЙ

«СТИХОТВОРЕНИЕ АНАКРЕОНА ТИЙСКОГО» (1794) КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ*

1. Об изучении «Стихотворения Анакреона Тийского» (1794)

«Стихотворение Анакреона Тийского» (СПб., 1794) — крупнейший переводческий труд Николая Александровича Львова, во многих отношениях итоговый, впечатляющий масштабностью замысла.¹ Издание состоит из предисловия, трех книг стихов (греческие оригиналы расположены здесь vis-à-vis с их русскими переводами) и обширных комментариев к ним. Хотя имя переводчика в самой книге не указано, авторство Львова было хорошо известно в литературных кругах при его жизни; посмертно о нем было заявлено уже в первом печатном некрологе Львова, написанном митрополитом Евгением (Болховитиновым).²

* Выражаю сердечную признательность А. В. Вознесенскому, А. К. Гаврилову, С. А. Завьялову и Д. О. Торшилову за прочтение данной работы в рукописи и высказанные соображения.

¹ Для этого достаточно сравнить «Стихотворение Анакреона Тийского» с ближайшими по времени аналогичными публикациями: подборкой из девяти переводов, «присовокупленных» к книге И. И. Виноградова «Стихотворения Сафы лесбийския стихотворицы» (1792), и с «Анакреоновыми стихотворениями», переведенными И. И. Мартыновым (1801).

² [Евгений (Болховитинов)]. Памятник Н. А. Львову // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 194–196. «Стихотворение Анакреона Тийского» упомянуто и в первом

Державин и Капнист, ближайшие друзья, родственники и единомышленники Львова, не только приветствовали стихами выход «Стихотворения Анакреона Тийского» из печати (об этом далее), но и оставили убедительные свидетельства художественного воздействия книги Львова на их творчество. Так, создавая «Анакреонтические песни»,³ Державин опирался главным образом на львовские переводы и со свойственной ему смелостью продолжил русификацию Анакреонта, Львовым лишь намеченную. Исследователи не без оснований говорят о важных импульсах, данных «Стихотворением Анакреона Тийского» и анакреонтике Капниста, и его подражаниям Горацию.⁴

В 1810 г. Державин написал стихотворение «На гроб переводчика Анакреона Н. А. Львова и его супруги в селе Никольском»; из его заглавия нетрудно заключить, что Державин полагал главной литературной заслугой своего друга, названного здесь «русским Анакреоном».⁵

Интенсивное освоение античного наследия в первой трети XIX в., улучшение классического образования, сказывавшееся и в лучшем знании древних языков, и античной метрики, а также впечатляющие успехи собственно в области художественного перевода — все это настраивало более молодых литераторов, скорее, на критический лад по отношению к рецепции классических авторов участниками львовско-державинского содружества.⁶ Не удивительно поэ-

жизнеописании Львова как труд, бесспорно ему принадлежащий: [Львов Ф. П.]. Львов: (Биографии российских писателей) // Сын отечества. 1822. Ч. LXXVII, № 17. С. 120.

³ Державин не был доволен первым отдельным изданием «Анакреонтических песен» (СПб., 1804); с дополнениями, но без нарушения общей композиции книги она была перепечатана в третьей части его «Сочинений» (СПб., 1808).

⁴ См. раздел оды «Горациянские и анакреонтические» в кн.: Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 165–212.

⁵ См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. III. С. 444. Высокое мнение о «Стихотворении Анакреона Тийского» сохранял до конца жизни другой родственник Львова — А. М. Бакунин. В поэме «Осуга» (создавалась в 1810–1820-е гг. для семейного круга) он писал: «Львов перевел Анакреона, / Гомера — Гнедич воскресил» (Наше наследие. 1994. № 29/30. С. 56 (публикация Д. И. Олейникова)).

⁶ Наиболее ярким тому примером следует признать полемику о русском гекзаметре: Уваров С. С. Письмо к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре // Чтение

тому, что уважительное и сочувственное отношение к труду жизни Львова постепенно сменяется в литературных кругах пренебрежительным, и в 1844 г. Белинский в пятой статье о Пушкине объявляет книгу Львова совершенно устаревшей, не выдерживающей никакого сравнения с переводами Пушкина и Батюшкова:

До Пушкина было довольно переводов из греческих поэтов, равно как и подражаний греческим поэтам; не говоря уже о попытке Кострова перевести «Илиаду» и о многочисленных переводах и подражаниях Мерзлякова, много было переведено из Анакреона Львовым; но, несмотря на все это, за исключением отрывков из переводимой Гнедичем «Илиады», на русском языке не было ни одной строки, ни одного стиха, который бы можно было принять за намек на древнюю поэзию.⁷

Не столь максималистской, но все же довольно прохладной была оценка «Стихотворения Анакреона Тийского» в XIX столетии в академических кругах. Грот, издатель многотомного собрания сочинений Г. Р. Державина, невысоко ставил оригинальный поэтический дар Львова, но с довольно большим пиететом отзывался о его переводной книге. При этом Грота в наибольшей степени интересовало значение «Стихотворения Анакреона Тийского» для оригинального творчества Державина; в комментариях к многотомному собранию сочинений поэта ученый скрупулезно отмечал разнооб-

в Беседе любителей русского слова. 1813. Чт. 13. С. 56–68; [Гнедич Н. И.]. Ответ Гнедича [на письмо С. С. Уварова о греческом экзаметре] // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1813. Чт. 13. С. 69–86; [Капнист В. В.]. Письмо В. В. Капниста к С. С. Уварову о экзаметре // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 15. С. 18–42; Уваров С. С. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 15. С. 47–66. Отмечу, что исследователи творчества Пушкина полагают, что поэт был знаком со «Стихотворением Анакреона Тийского», хотя никаких документальных доводов тому не приводят (Федотова С. Б. Анакреонт // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к Пушкинской энциклопедии. С. 11–12). Для позднейших переводов Пушкина из Анакреонта книга Львова, кажется, значения не имела.

⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. VII. С. 323. Данная цитата весьма любопытна в связи с тем, что Белинский, друг М. А. Бакунина, в 1830-е гг. неоднократно посещал Прямухино, имение его отца. Литература неоднократно становилась темой бесед Белинского и А. М. Бакунина; обсуждалась и поэма «Осуга» (см. письмо Белинского А. М. Бакунину от 1 августа 1838 года: Там же. Т. XI. С. 256–258; ср. примеч. 4).

разные параллели и заимствования из перевода Львова.⁸ Отсутствие сколько-либо объемных перепечаток львовских переводов также негативно сказывалось на их известности.⁹

Обзор усвоения классического наследия русской культуры XVIII в., предпринятый в 1910-х гг. Н. Н. Кутателадзе, был во многих своих частях лишь предварительным. Все же можно лишь удивиться, что в разделе, посвященном анакреонтике,¹⁰ разбор перевода 1794 г. фактически отсутствует. При анализе «Анакреонтических песен» Державина Кутателадзе ссылается лишь на случай заимствования отдельных образов и тем из «Стихотворения Анакреона Тийского», установленных еще Я. К. Гротом в «Сочинениях Державина». Отсюда же были почерпнуты сведения о важной роли Львова в львовско-державинском кружке, о его влиянии на Державина и т. д.

Постепенное пробуждение интереса к анакреонтической поэзии XVIII столетия и все большее понимание ее художественных достоинств поначалу никак не отразилось на изучении «Стихотворения Анакреона Тийского».¹¹ Наконец в 1958 г. в томике русской

⁸ См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. I. С. 589; Т. II. С. 70–72, 131–133, 176–177, 183, 391–392, 420–423, 425–426, 430, 442, 495 et passim.

⁹ Так, в издание, подготовленное А. Тамбовским, вошло всего три львовских перевода (*Анакреонт*. Первое полное собрание его сочинений в переводах русских писателей, сост. А. Тамбовский. СПб., [1896]. С. 60–61, 74). В связи с этим следует упомянуть о планировавшейся перепечатке некоторого числа переводов Львова в антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах», готовившейся в нач. 1910-х гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых (об истории этого начинания см. подробнее: Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вяч. Иванова, предназначенные для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–205). Материалы раздела «Анакреонтические поэты» сохранились: РГБ. Ф. 583 (В. О. Нилендер). Карт. 1. Ед. хр. 5, 8, 26.

¹⁰ Кутателадзе Н. Н. К истории классицизма в России. Анакреонтические песни в русской литературе XVIII столетия // Филологические записки. 1915. № 155. Вып. 4. С. 503–504.

¹¹ Так, в важнейшей статье Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде», подробно анализирующей специфику этого жанра в его взаимосвязанности с корпусом переводов эллинистической анакреонтики, «Стихотворение Анакреона Тийского» упомянуто лишь мимоходом (*Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века*. Л., 1927. С. 111).

поэзии XVIII в. в малой серии Библиотеки поэта были перепечатаны десять од из «Стихотворения Анакреона Тийского».¹² Включение львовских переводов в столь авторитетный свод, адресованный широкому читателю, означало прежде всего признание их высоких художественных достоинств, что поначалу почти не сказалось на усилении исследовательского интереса к ним.¹³

На назревшую потребность осмысления русской анакреонтической поэзии в значительной мере ответили «Исследования анакреонтической оды в русской литературе эпохи классицизма и сентиментализма» Дорис Шенк, где специфике «Стихотворения Анакреона Тийского» было впервые уделено должное внимание.¹⁴ В монографии Дорис Шенк учтены журнальные публикации анакреонтических стихов и переводов анакреонтики в России на протяжении XVIII столетия, составлен их хронологический перечень.¹⁵ Несмотря на скорее дескриптивный подход к изучаемому явлению и

¹² Поэты XVIII века / Вступ. статья Г. П. Макогоненко. Подгот. текстов и примеч. Г. П. Макогоненко, И. З. Серман. Л., 1958. Т. 2. С. 320–331. Еще более объемна подборка во втором издании большой серии «Библиотеки поэта» (21 ода): Поэты XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман. Л., 1972. Т. 2. С. 212–223. Эти издания стали источниками дальнейшего тиражирования. Например: Чудное мгновение. М., 1988. Ч. 1. С. 29–30; Гимн любви. М., 1991. С. 43 и др. издания.

¹³ Так, в статье Ч. Л. Дрейджа «Анакреонтика и русская поэзия XVIII века» (1962) разбор «Стихотворения Анакреона Тийского» занимает менее страницы. Здесь некритически повторены сведения о подготовке Евгением Булгарисом подстрочника для Львова, с современных позиций русскому поэту сделаны упреки за неточность и неудачные добавления (*Drage C. L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 110–134*). Еще более краток анализ в статье: *Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 169*. Ср. также: *Ионин Г. Н. Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. Отв. ред. Г. П. Макогоненко. М., 1986. С. 346–348*.

¹⁴ *Schenk D. Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M., 1972*.

¹⁵ Пропуски, кажется, незначительны: это, к примеру, анакреонтические стихи М. Н. Муравьева (*Муравьев М. Н. Переводные стихотворения. СПб., 1773. С. 9, 14*) и Н. П. Осипова (*Кокорев А. В. «Труды разумных общников»: (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86. Вып. 7. С. 36–38*).

рассмотрение в одном ряду как подражаний Анакреонту, так и переводов греческой анакреонтики, исследование немецкой коллеги — крупнейшая работа подобного рода, сделавшая возможным комплексное изучение интереснейшего жанра русской поэзии XVIII в.

Дорис Шенк уделила «Стихотворению Анакреона Тийского» пять страниц в своей монографии:¹⁶ она впервые привлекла в качестве исследуемого материала текст предисловия, отметила противопоставление Львовым античного поэта писателям Нового времени, охарактеризовала львовские комментарии. В целом, по мнению Д. Шенк, филологический успех русского поэта следует оценить более высоко, чем поэтический,¹⁷ с чем, как постараемся показать, нелегко согласиться.

Перепечатка «Стихотворения Анакреона Тийского» в томе «Избранных сочинений» Львова (1994), впервые объединившем наиболее важные литературные произведения поэта, в почти полном составе (лишь комментарии предстали в несколько сокращенном виде)¹⁸ стала и признанием высоких художественных достоинств львовских переводов, и важным импульсом к их дальнейшему изучению.¹⁹ Ряд соображений и наблюдений, высказанных мною в примечаниях к «Избранным сочинениям» весьма сжато, в данной статье представлен в развернутом виде; особое внимание уделено аспектам, не получившим в научной литературе до сих пор должной разработки.

¹⁶ *Schenk D.* Studien zur anakreontischen Ode. S. 116–121.

¹⁷ *Ibid.* S. 121.

¹⁸ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. При цитации этого издания ссылки даются в тексте с аббревиатурой ИС и указанием страниц.

¹⁹ Я имею в виду прежде всего следующие научные работы: *Чернышева Л. В.* Эволюция анакреонтики в русской поэзии XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2002. С. 87–112 (на правах рукописи); *Милюгина Е. Г.* Н. А. Львов и «Русский Анакреон» // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2009. Т. 11. № 4 (3). С. 764–769. Из многочисленных работ последнего времени, убеждающих в общем росте научного интереса к отечественной анакреонтике XVIII столетия, следует в первую очередь указать монографию: *Салова С. А.* Утро русской анакреонтики. А. Д. Кантемир. М. В. Ломоносов. А. П. Сумароков. М., 2005.

Завершая обзор исследований, посвященных «Стихотворению Анакреона Тийского», необходимо оговорить, что большая часть стихов, написанных, по мнению Львова, древнегреческим лириком (в этом он разделял заблуждения своего времени), в действительности Анакреонту не принадлежит. Это анакреонтика, корпус подражаний, возникших в период позднего эллинизма, созданных «в модной тогда дилетантской манере»; в их принадлежности Анакреонту до XIX столетия никто не сомневался.²⁰ Древнегреческая анакреонтика сохранена для потомства Палатинской антологией (*Anthologia Palatina*), пятнадцатитомным сводом эпиграмматической по преимуществу поэзии, составленным в X в. византийским грамматиком Константином Кефалой. Как корпус подлинных произведений Анакреонта античные подражания его поэзии были впервые опубликованы Анри Этьенном в 1554 г. Вероятно, большим разочарованием для Львова было бы узнать, что из 75 переведенных им стихотворений античному поэту принадлежат лишь оды LVI–LX, фрагменты LXII–LXVII,²¹ эпиграммы I–VII.²² Здесь и далее вынужденно повторяются подчас произвольные, а подчас и неверные определения, унаследованные Львовым от А. Этьенна и А. Дасье.²³ Так, например, эпиграмма VII — это в действительности фрагмент элегии. Ни в корпус произведений Анакреонта, ни в корпус анакреонтики эпиграмма LXI ныне не включается.²⁴

²⁰ *Crusius O. Anakreon* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1894. Bd. 1: Aal–Apollokrates. Splt. 2045–2046; Robbins E. 1) Anacreontea; 2) Anakreon* // *Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsg. von H. Cancik und H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1996. Bd. 1: A–Ari. Splt. 639–641, 646–649. Общий абрис рецепции анакреонтики в Новое время см.: Zelman H. Anacreontische Dichtung, Anakreontik* // *Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsg. von H. Cancik u. a. Stuttgart; Weimar, 1999. Bd. 13: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte. A–Fo. Splt. 130–133.*

²¹ *Poetae melici Graeci / Ed. D. L. Page. Oxford, 1962. № 395, 356a, 505d, 348, 417, 360–362, 427, 434, 408.* Выражаю признательность С. А. Завьялову за консультации при идентификации стихотворений.

²² *Further Greek Epigrams / Ed. by D. L. Page. Cambridge, 1981. № 2, 1, 3, 5, 17, 18; Iambi et elegi Graeci ante alexandrum cantati. Edidit M. L. West. Oxonii, 1972. Vol. II. № 2.*

²³ Об изданиях А. Этьенна и А. Дасье и их роли при публикации стихов Анакреона и анакреонтики см. ниже в третьем разделе.

²⁴ Эта эпиграмма («Θεῖον ἄνασσα Κούρι...») была процитирована как произведение Анакреонта Андреасом Шоттом по тогда еще неизданной рукописи

Сам Львов полагал, что в его книге есть лишь одно стихотворение другого автора — Юлиана Египетского. Поэт озаглавил его, не смутившись сгущением разножанровых дефиниций: ода LXVIII «Надгробная надпись Анакреону, Иулианом сделанная»; оно почерпнуто также из «Палатинской антологии» (кн. VII, 32).

В заключение раздела хотелось бы подробно остановиться на истории планировавшегося переиздания «Стихотворения Анакреона Тийского». В начале 1970-х гг. С. Р. Долговой в Научной библиотеке Центральных государственных архивов СССР (в коллекции ЦГАДА, ныне РГАДА) был обнаружен экземпляр книги с поправками, указывающими на подготовку второго издания; он содержит два стихотворения — Державина и Капниста. Исследовательница в первую очередь обратила внимание на неизвестное стихотворение Державина и именно ему посвятила свою статью. В ходе работы над ней было установлено, что обнаруженные пометы сделаны рукой В. В. Сумарокова,²⁵ секретаря Львова. Поэтические тексты своих друзей Львов, судя по всему, предполагал включить во второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» и тем подчеркнуть его связь с другими издательскими предприятиями львовско-державинского кружка.

Существование специальной статьи о пометах в экземпляре РГАДА, написанной совместно с Долговой,²⁶ делает целесообразным перечисление здесь лишь ее основных выводов. В начале 1800-х гг. работа над вторым изданием «Стихотворения Анакреона Тийского» только начиналась, и Львов поручил своему секретарю внести в книгу пометы, сделанные в рукописи или в корректуре. Это объясняет отсутствие в тексте маргиналий Львова, а также то,

византийского писателя Феодора Продрома, жившего в XII в. (*Schottus A. Observationum humanorum libri V. Hanoviae, 1615. P. 120*), в диалоге которого «Амарант» она содержится (*Theodori Prodromi philosophi Rodanthes et Dosiclis amorum libri IX. Interprete G. G. Molinensi. Parisiis, 1625. P. 465, 467*). В корпус анакреонтики эта «эпиталама» введена без достаточных оснований Анной Дасье (№ 70 ее издания; у А. Этьенна ее нет); научные издания анакреонтики XIX–XX вв. ее игнорируют.

²⁵ Долгова С. Р. Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 1972. № 2. С. 117–119.

²⁶ Долгова С. Р., Лаппо-Данилевский К. Ю. Работа Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона // XVIII век. Л., 1990. Сб. 17. С. 190–202.

что из указанных в первом издании семи «погрешностей» (с. XLIV)²⁷ Сумароковым была исправлена лишь одна. Без внимания оставлены и случаи недовольства со стороны поэта первым вариантом перевода (см. комментарии Львова на с. 168, 177). Находящийся в РГАДА экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» позволяет выяснить основные направления работы по подготовке переиздания: конкретизация теоретических положений Львова о вневременном значении поэзии Анакреонта и задачах художественного творчества, стилистические исправления без обращения к оригиналу, улучшение технической стороны издания.

Еще один документ, обнаруженный позднее, проливает свет на то, как должно было выглядеть второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» и что для него уже было сделано. Из копии прошения Львова в Кабинет его императорского величества от 19 октября 1802 г. явствует, что к этому моменту известный гравер Джозеф Сандерс (1773–1845) изготовил шесть виньеток и два портрета Анакреонта:

За выгравирование шести виньеток ко 2-й эдиции Анакреона, двух портретов автора и одного виньета плана города Москвы гравер Сандерс, по предъявлении первых оттисков, имеет получить от Кабинета договоренную сумму триста рублей, по силе Высочайшего указа, данного в 19 день декабря 1796 года, где сказано: «издаваемые действительным статским советником Львовым полезные сочинения, переводы и чертежи на иждивении Кабинета печатать, а ко мне по одному экземпляру возносить наперед» тогда, когда абдуки представит он за моим подписанием с прошением от меня о заплате договоренной суммы.

Подлинное условие подписал
тайный советник
Николай Львов

Октябрь 19 дня
1802 года
Санкт-Петербург.²⁸

²⁷ Здесь и далее ссылки на «Стихотворение Анакреона Тийского» (СПб., 1794) даются в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках. Когда цитируется экземпляр РГАДА с коррективами Львова, номеру страницы предшествует литера «к».

²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 19. Без даты впервые опубликовано А. Б. Никитиной в кн.: Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 354–355. Цитата уточнена по рукописи.

При анализе переводов Львова из анакреонтики ниже, в случае надобности, будут привлекаться материалы для готовившегося переиздания, что позволит на конкретных поправках продемонстрировать цели, достижение которых ставил перед собой русский поэт. Остается пожалеть, что не только второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского» не было осуществлено, но и правка его текста была произведена по преимуществу лишь в предисловии и в первой книге стихов.

2. Об издании «Стихотворения Анакреона Тийского»

Для понимания специфики «Стихотворения Анакреона Тийского» весьма важна история его подготовки. К сожалению, главный источник знаний о ней — это информация о ходе работы переводчика и типографов, содержащаяся в тексте самой книги. Напомним, что она была опубликована в типографии Корпуса чужестранных единоверцев, что объясняется и ее высоким полиграфическим уровнем, и особым статусом этого учебного заведения, возникшего в связи с планами военной и политической экспансии России на Балканах и в первую очередь в связи с «Греческим проектом» Екатерины II.²⁹

Ранее, до 1791 г., типография Корпуса находилась при Горном корпусе. Она была одной из лучших в России, и Львов уже имел опыт сотрудничества с ней. Так, в типографии Горного училища ранее были напечатаны: 1) его сочинения — «Рассуждение о перспективе, облегчающее употребление оной, в пользу народных училищ» (1789), «Руской 1791 год» (1791; издание включает поэму

²⁹ Указом Екатерины II от 17 апреля 1775 г. в Петербурге была учреждена Гимназия чужестранных единоверцев при Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе. В 1789 г. ее возглавил граф А. И. Мусин-Пушкин; в 1791 г. сюда была передана типография из Горного училища (*Лоранский А.* Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 23). Указом от 12 июня 1792 г. гимназия была преобразована в Корпус чужестранных единоверцев; заново были утверждены штаты. Указом Павла I от 8 декабря 1796 г. корпус был упразднен, а его воспитанники переведены в Сухопутный кадетский корпус (см. подробнее: *Пряхин Ю. Д.* Греческая гимназия. (Корпус чужестранных единоверцев) в системе военного образования России // *Пряхин Ю. Д.* Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб., 2008. С. 121–135).

«Зима» со стихотворным посвящением М. А. Львовой); 2) книги, им подготовленные или изданные при его участии, — «Руководство к содержанию пчел во все времена года» Д. Уайлдмэна (1788), первая часть «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790),³⁰ «Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (1792).³¹ Особенно следует отметить роскошное издание оперы Екатерины II «Начальное управление Олега: Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил» (1791). Львов не только сделал эскиз обложки и виньетки к нему, но и перевел предисловие Джузеппе Сартти.

При Корпусе чужестранных единоверцев типография проработала с 1791 по 1796 г.; за это время было опубликовано около сорока изданий,³² в числе которых, помимо «Стихотворения Анакреона Тийского», в свет вышла еще одна книга Львова — первая часть трактата «Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов» (1795).

В 1780-е и в начале 1790-х гг. Львов пользовался особым расположением императрицы Екатерины II. Как явствует из документов в фонде Горного департамента в Российском государственном историческом архиве в Петербурге, 8 октября 1786 г. императрицей был издан указ о финансировании из средств Кабинета ее императорского величества печатания чертежей и книг, готовившихся поэтом. Это позволило Львову развернуть интенсивное сотрудничество с типографией, находившейся при Горном училище. Оно было вынужденно прервано через пять лет, ибо указом от 28 февраля 1792 г.

³⁰ Счета за печатание этой книги, оплаченные из Кабинета ее императорского величества, опубликованы в статье: *Розанов А. С.* К вопросу о первом издании «Собрания народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова и И. Прача // *Петербургский Рериховский сборник*. СПб., 2008. Вып. VII. С. 187–195.

³¹ Важная подборка документов о финансировании этих и других изданий Львова (главным образом из средств Кабинета) опубликована А. Б. Никитиной в кн.: *Петербургский Рериховский сборник*. Вып. VII. С. 350–370.

³² Т. П. Самсонова в специальной работе о типографии Корпуса указывает тридцать три издания, учтенных в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века». В дополнение к ним исследовательницей выявлено пять книг в библиотеке Эрмитажа (*Самсонова Т. П.* Корпус чужестранных единоверцев в Петербурге, его библиотека и типография. 1775–1796 // *Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX века*. Л., 1983. С. 145, 148).

право издавать какие-либо сочинения за счет казны без особого на то распоряжения было сохранено лишь за В. П. Петровым. Львов, планировавший несколько дорогостоящих предприятий, понес значительные убытки. Среди черновиков и вариантов его записки, рисующей бедственное положение этих начинаний,³³ находится следующая копия официальных распоряжений:

Копия с данного повеления о печатании

Именным ее величества указом от 8го октября 1786го года повелено, чтоб сочинения и переводы г^{на} коллежского советника Львова, как по возложенному на него попечению об открытии делания каменного угля, так и по другим его полезным упражнением, равным образом разные его чертежи на иждивении Кабинета печатаемы были, оставляя те печатаемые книги и чертежи в его пользу.

Копия с повеления о запрещении печатать

А 1792го года февраля 28 дня записан указ: ее императорское величество высочайше указать соизволила, чтобы впредь ни в каких типографиях, как сочинений, так и переводов без особого ее величества повеления, а при том и без уведомления от Кабинета на счет оного не печатать, а позволила ее величество печатать сочинения и переводы г^{на} коллежского советника Петрова. На подлинном подписано: Степан Стрекалов.³⁴

Перечислив в прошении на высочайшее имя свои труды, подготовленные к печати (рисунки к трактату А. Палладио и к «Метаморфозам» Овидия, летопись, хранившуюся в его семье, чертежи собственных построек и проч.), Львов признавался в том, что он уже имел значительные «издержки» и что без помощи казны он не в силах исполнить разнообразные обязательства, взятые на себя:

Большая часть сей работы была уже кончена, когда последовало и ему вместе с другими запрещение печатать: то дабы не пропали труд и издержки его, в течение 8^{ми} лет употребленные, всеподданнейше просит неоконченные сии работы на счет Кабинета напечатать, как то ему позволено было; ибо он не токмо на свой счет печатать не в состоянии, но и расплатиться с художниками, которые вследствие именного повеления были им законтрактованы.³⁵

³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 1–1 об., 3–3 об., 8–8 об., 10–10 об.

³⁴ Петербургский Рериховский сборник. Вып. VII. С. 351. Другие копии: РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 4, 7.

³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 114. Л. 3 об. Другой вариант этого абзаца опубликован А. Б. Никитиной: Петербургский Рериховский сборник. Вып. VII. С. 351.

Судя по всему, хлопоты, предпринятые в 1792 г., не имели успеха, и могло казаться, что довольно значительные суммы из личных средств Львова были потрачены впустую. Лишь вскоре после вступления на престол императора Павла I привилегия, данная за десять лет до того, была наконец восстановлена (скорее всего, это произошло благодаря покровителю Львова — А. А. Безбородко, к которому благоволил монарх). Копия высочайшего распоряжения от 19 декабря 1796 г., обращенного к управлявшему Кабинетом В. С. Попову, сохранилась в делах Горного департамента:

Василий Степанович!

Вследствие данного в 1786^м году, октября 8го, указа о печатании полезных книг и чертежей, действительным статским советником Львовым издаваемых, повелеваем издержки его, в тысяче четырехстах сорока семи рублях состоящие, из Кабинета заплатить и впредь его полезные сочинения, переводы и чертежи на издании Кабинета печатать, а ко мне по одному экземпляру вносить наперед.

Павел.³⁶

Но вернемся к «Стихотворению Анакреона Тийского». Печатаение столь объемной книги в типографии Корпуса чужестранных единоверцев не могло состояться без субсидии из казны. Каким образом она была испрошена и получена, остается лишь гадать. Несомненно лишь то, что это был отдельный проект, не связанный напрямую с более ранними, финансировавшимися из средств Кабинета. В то же время публикация «Стихотворения Анакреона Тийского» на государственный счет ставила книгу в ряд манифестаций официального филэллинизма екатерининского царствования. Видимо, поэтому Львов, занимавший к тому времени высокое служебное положение, предпочел не называть в издании своего имени и ограничился в подавляющей части тиража указанием на титульном листе: «перевел **** *».

Экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в Библиотеке Российской академии наук, на который впервые указала С. Р. Долгова, позволяет предположить, что помимо основной части тиража было выпущено еще некоторое число книг для дружеского и се-

³⁶ Там же. С. 353 (пометы копииста в документе опущены). Незадолго до этого, 6 декабря 1796 г., Львов был пожалован в действительные статские советники (Московские ведомости. 1796. 20 декабря. С. 1787–1788).

мейного окружения.³⁷ В эти экземпляры (сколько их было, остается только гадать) вплеталось следующее посвящение, раскрывающее имя переводчика:

Марии Алексеевне Львовой

Более двадцати лет, как ты одна, мой друг, постоянно утверждаешь меня в анакреонтических чувствах, если поместилось оных несколько и в переводе русского Анакреона, то прими его как собственное твое дело.

Львов Никольской.³⁸

Ряд фактов наводит на мысль, что хотя на титуле «Стихотворения Анакреона Тийского» указан 1794 г., вышло оно в свет лишь в августе следующего 1795 г. Так, Капнист приветствовал появление книги своего друга стихотворением, озаглавленным позднее «Красавице». Под его текстом, вписанным в экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в РГАДА, указана дата: «в К<иеве> 1795 Авг. 20-е».³⁹ Капнист, конечно же, входил в число тех, кому Львов одним из первых выслал книгу и кого неизменно держал в курсе работы над ней. Поэтому только тем, что мадригал, сочиненный Капнистом после получения им в Киеве «Стихотворения Анакреона Тийского», был отправлен в Петербург и сразу же напе-

³⁷ Долгова С. Р. Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. С. 119. На титульном листе книги неизвестным почерком указано: «Получена от имени почтенного переводчика — из Петербурга. 30 августа 1795го года», то есть можно утверждать, что экземпляры с посвящением использовались для целенаправленного дарения. Экземпляр, некогда принадлежавший Г. Р. Державину, был куплен в 1930-е гг. В. Г. Лидиным, который опубликовал следующий лапидарный инскрипт Львова: «Любезному другу моему Гавриилу Романовичу. Числа 12. С. П.-бург» (*Лидин В. Г. Друзья мои книги*. М., 1966. С. 61; см. также: Список книг Д. В. Поленова и Л. А. Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. СПб., 1893. С. 169. № 3313).

³⁸ Цит. по экземпляру «Стихотворения Анакреона Тийского», хранящемуся в Библиотеке Российской академии наук (шифр 1794/3).

³⁹ При первой публикации стихотворение В. В. Капниста было названо «На перевод Анакреонта, приписанный Марии Алексеевне Львовой» (Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 235). О том, что оно (вместе со стихотворением Державина «Прийми, брат, три поклона...») должно было украсить второе издание «Стихотворения Анакреона Тийского», см.: Долгова С. Р. Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. С. 118–119. Над стихотворением, вписанным в экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского», хранящийся в библиотеке РГАДА, указано имя адресата: «Марье Алексеевне Львовой».

чтан на нескольких издательских обложках книги для дружеского распространения (именно их, думаю, Львов подразумевал под «обертками»⁴⁰), можно объяснить следующий пассаж в письме Львова Капнисту от 28 сентября 1795 года:

При выздоровлении ее ничто ее [М. А. Львову. — К. Л.-Д.] еще в словесном мире так не порадовало, как твои стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные. В нем подлинно столько ошибок, что никто не усомнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности.⁴¹

Многочисленные огрехи книги были вызваны тем, что греческие шрифты, заказанные для «Стихотворения Анакреона Тийского» у знаменитого парижского типографа Фирмена Дидо, прибыли в Петербург с большим запозданием, и потому процесс печатания происходил в крайней спешке. Из предисловия узнаем, что по тем же причинам книга не была украшена портретом античного поэта, хотя он предполагался.⁴² Спешка помешала Львову внести и другие исправления — так, в ходе работы у него возникали новые варианты

⁴⁰ Напомню, что в XVIII столетии русские книгоиздатели обычно не переплетали книг (владельцы должны были сами позаботиться о достойных переплетах для своих библиотек). Книги поступали в продажу в виде связанных между собой тетрадок, которые вкладывались в издательские обложки (об этом см. подробнее: Полонская И. М. Русская издательская обложка и переплет XVIII века // Книга. Исследования и материалы. М., 1979. Сб. XXXVIII. С. 152–161). К сожалению, ни одна такая обложка со стихами Капниста до нас не дошла.

⁴¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 390 (публикация Е. Н. Коненко); ИС, 390.

⁴² Об этом Львов писал в предисловии: «Бодонием напечатанный профиль [об изображении в книге: Ἀνακρέωντος Τηίου μέλη. Παρμαε, 1791. — К. Л.-Д.], с древнего камня заимствованный, почитается лучшим. Мне весьма желалось украсить оным мой перевод, но талант приятелей моих не достало времени, а мне терпения, потому что как переводить начал я по милости новых литер, от Дидота привезенных, так и кончить печатание принужден был по желанию типографов, погонявших меня корректурными листами» (с. XIX).

перевода, по его мнению более удачные, в чем он признавался в комментариях к оде XXV:

Когда мы пьем, заботы спят.

Гораздо лучше! Но я это проронил, и ода была уже напечатана (с. 168; см. также примечания к XXXIV оде на с. 176–177).

В еще большей степени, чем история подготовки издания, существен вопрос о том, как работал Львов-переводчик, насколько близко он ознакомился с оригиналом и кто ему при этом оказывал помощь. В научной литературе не раз высказывалось мнение об использовании Львовым подстрочника, сделанного Евгением Булгарисом, архиепископом Славянским и Херсонским (1716–1806). Вместе с тем известно, что греческий просветитель, прибывший в Россию в 1771 г. по личному приглашению императрицы Екатерины II и в течение четырех лет бывший ее личным библиотекарем, плохо владел языком приютившей его страны. Об этом упоминает и С. К. Баталден, автор наиболее подробной биографии прелата, утверждающий также, что именно участие в переводе Анакреонта способствовало росту пассивного знания Булгарисом русского языка.⁴³ Предисловие и комментарии (иных материалов, способных пролить свет на сотрудничество русского поэта и греческого прелата не сохранилось) содержат важные сведения о характере совместной работы Львова и Евгения Булгариса, жившего в Петербурге с 1789 г.

Во вступительной статье Львов так писал об оказанной ему помощи: «Человек добровольной и греческой язык хорошо знающий, взял на себя труд подписать мне каждое слово в подлиннике...» (с. XX). Далее расположены первая ода и ее подстрочный перевод (с. XXI–XXII); ниже — следующий абзац:

Под руководством снисходительного, в знании греческого языка несравненного, просвещенного и почтенного мужа(а) взял я на себя педантические вериги не выпустить никакой речи и перевести оные в стихах греческой же меры, не теряя сколько возможно плавности и свободы, красоту Анакреоновых мыслей возвышающих, и для сего должен был при всяком почти стихе справляться в море здесь приложенных переводчиков, свидетельствующих достоинство автора, из числа которых следовал я более тем, кои отмечены звездочками (с. XXII–XXIII).

⁴³ *Batalden S. K. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. New York, 1982. P. 62, 81.*

Хотя имя «почтенного мужа» не названо, секрет легко раскрывается читателем, ибо литер (а) отсылает к следующему примечанию: «Которого нескромная благодарность моя заставила меня без спросу в некоторых примечаниях напечатать его имя» (с. XXII). Действительно, в «Стихотворении Анакреона Тийского» трижды упомянуто о консультациях Евгения Булгариса (на с. XXXVI, 67, 92).

Как на это впервые обратил внимание А. К. Гаврилов в статье о Евгении Булгарисе для биобиблиографического словаря русских писателей XVIII века,⁴⁴ речь в предисловии Львова несомненно идет о двух лицах. Первый помощник — «человек добровольной и греческой язык хорошо знающий», он надписал русский перевод над стихами Анакреонта, его имя на страницах издания не раскрывается.⁴⁵ Второй, «муж в знании греческого языка несравненный, просвещенный и почтенный», осуществлял некое общее руководство и в особо затруднительных случаях консультировал русского поэта, что не избавляло того от необходимости активно использовать переводы стихов Анакреонта на европейские языки. Именно второй из помощников назван Львовым по имени в комментариях.

Характер участия Евгения Булгариса в труде Львова проясняют и некоторые другие указания в тексте «Стихотворения». Так, в «Оглавлении древним и новейшим авторам, на свидетельстве коих основана жизнь Анакреонова» (с. XXXVI) говорится о том, кто «руководствовал переводчика и трудился в греческой корректуре и в примечаниях на I книгу», и дается отсылка к с. 67, на которой Булгарис упомянут по имени.

⁴⁴ Гаврилов А. К. Евгений Булгарис // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И. С. 134.

⁴⁵ Можно лишь гадать о том, кто был этот безвестный, но искушенный в знании греческого языка помощник Львова. А. К. Гаврилов предполагает, что им был И. И. Мартынов (Гаврилов А. К. Евгений Булгарис. С. 134), что в высшей степени правдоподобно, если учесть его биографическую близость к Евгению Булгарису в 1790-е гг., а также факт издания им позднее собственного перевода анакреонтики (1801). На существование литературных контактов между двумя русскими литераторами указывает и факт публикации львовской поэмы «Зима» в редактировавшемся Мартыновым журнале «Муза» в 1796 г. О знакомстве со Львовым в 1790-е гг. Мартынов писал позднее в своих мемуарах (Мартынов И. И. Записки // Заря. 1871. № 6. Приложения. С. 96). Другим знатоком греческого языка в близком окружении Львова был И. М. Муравьев-Апостол, издавший в 1821 г. перевод «Облаков» Аристофана.

На с. 66–67 комментариев русский поэт изложил историю своих колебаний при выборе толкования для греческого «φρόνημα».⁴⁶ Львов отклонил варианты, предложенные западными переводчиками,⁴⁷ в чем был поддержан греческим прелатом: «Но преосвященный Евгений, коего пространным и глубоким сведением греческого языка руководствовался я в переводе моем, под именем „φρόνημα“ разумеет чисто: благоразумие» (с. 67). Все же, несмотря на столь высокую оценку учености Булгариса, при выборе собственного варианта перевода русский поэт в наибольшей степени положился на свое понимание творческих задач Анакреонта и его поэтики. Он отвергает поэтому «благоразумие», ибо, как ему кажется, оно не соответствует образному строю оды. По мнению Львова, красоте, свойству женщин, должно быть противопоставлено «мужество».

Также и в комментарии к оде XXI Львов указал варианты европейских переводчиков, не удовлетворившие его. В этом случае совет Булгариса помог понять греческую идиому, он не противоречил художественному единству оды в понимании Львова, и русский поэт с благодарностью воспользовался помощью греческого просветителя (с. 92).

Подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что сотрудничество Булгариса ограничилось тем, что он выверил греческий текст в корректуре и дал несколько консультаций, касавшихся наиболее спорных мест в стихах Анакреонта. Беседа при этом, скорее всего, велась по-итальянски (на этом языке написано большинство деловых документов Булгариса во время пребывания в России). Как видим, участие греческого прелата в русской части «Стихотворения Анакреона Тийского» было довольно скромным; нет также

⁴⁶ Данные словаря И. Х. Дворецкого о его значении: 1) образ мыслей; 2) разум, здравое суждение; 3) благородство, мужество; 4) намерение, воля; 5) (само)уверенность; 6) высокомерие, гордыня (Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 2. С. 1747). Ср. также: A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell... R. Scott... H. S. Jones... A New Edition Revised and Augmented throughout by Sir H. S. Jones ... with the assistance of R. McKenzie... Oxford, 1940. Part 10: τραγεῖν-φρόνης. Р. 1956.

⁴⁷ Львов приводит отвергнутые им толкования: у И. Г. Ф. Мейнеке — «Waffenkünste» (искусство владеть оружием); у Мутонне де Клерфона — «courage» (храбрость); у Анны Дасье — «prudence» (осторожность).

оснований говорить, что он как-то повлиял на понимание Львовым задач перевода, на его концепцию творчества Анакреонта. Все же причастность к книге Евгения Булгариса, имя которого как бы невзначай было упомянуто в примечаниях, способствовала и авторитету издания, и повышенному интересу к нему, и тому, что оно воспринималось как живое событие в осознании русскими своей преемственности по отношению к наследию Древней Греции.⁴⁸ Все это вполне соотнобразовывалось с тем образом Анакреонта, который Львов намеревался закрепить в сознании современников.

3. Источники, использованные Н. А. Львовым

Важнейший вопрос, неизбежно встающий при изучении «Стихотворения Анакреона Тийского», заключается в прояснении того, какие переводы анакреонтики на европейские языки и, главное, как использовал Львов в своей работе. В предисловии сам поэт подчеркнул: «Многие еще другие в переводе Анакреона трудившиеся мне неизвестны, особливо на аглинском, на немецком и русском языках» (с. XXXIII). Львов считал своей главной задачей дать русскому читателю подлинного, не приукрашенного Анакреонта, поэтому ему было столь важно отмежеваться от большого числа подражаний и вариаций на анакреонтические темы. При этом незнание греческого языка, в котором русский поэт открыто признавался, не казалось ему сколько-либо существенным препятствием.

Значительный интерес представляет положительная характеристика переводов Ломоносова, имеющаяся в тексте комментариев.⁴⁹

⁴⁸ В этом контексте существенна убежденность Львова о заимствовании русскими у греков протяжных песен в древности, которую он развивает в предисловии к первой части изданного им совместно с И. Прачем «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790). Критический анализ этих воззрений Львова и их истоков см. в статье: *Герцман Е. В.* Что знал Н. А. Львов о древнегреческой музыке // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2008. Вып. VII. С. 216–227.

⁴⁹ Другой именитый предшественник, А. Д. Кантемир, переведший во второй половине 1730-х гг. на русский язык почти весь корпус анакреонтики (55 од), Львову остался неизвестен, ибо эти переложения были опубликованы П. А. Ефремовым лишь в 1867 г.

Отсутствие имени Сумарокова и представителей его школы, видимо, объясняется тем, что собственно переводы из Анакреонта и анакреонтики в их наследии

Она особенно важна в контексте других, скорее амбивалентных, суждений Львова о знаменитом предшественнике.⁵⁰ Оду III в переводе Ломоносова Львов высоко ставит в художественном отношении, полагая собственной заслугой большую точность:

Редкому грамотному неизвестен славный красотами своими перевод г. Ломоносова оды сей, после которого не надобно бы, кажется, никому с высоким его талантом входить на поприще; но он, переводя в стихах с рифмами (которых в греческом нет), принужден был для того во многих иногда местах отступить от подлинника. Я же, не будучи рифмами одержим, должен был сделать верный перевод мыслей Анакреоновых, стараясь ничего не пропустить и не смея ничего прибавить» (с. 70–71).

Та же мысль положена в основу сравнения собственного и ломоносовского перевода XXVIII оды, перед художественными достоинствами которого Львов склоняет голову:

Сию прекрасную оду, служившую в разных языках подлинником для множества неудачных подражаний, переводил и наш Северный Орфей Ломоносов с отменными и его только таланту свойственными красотами, делающими и подражательные его творения действительным подлинником. Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше (с. 171).

За Ломоносовым признается и высокая лингвистическая компетенция в вопросах более общих. Так, аргументируя выбор неприемлемого словосочетания при переводе VI оды, Львов подчеркивает, что «основание» русского языка «по сию пору искать должно в священных книгах по совету г. Ломоносова» (с. 78). Именно существование в языке Библии выражения, аналогичного избранному (что, конечно, мало вяжется с игривостью анакреонтики), становится

немногочисленны (в отличие от перифразов и вариаций). Так, у Сумарокова находим всего лишь два перевода — «На Ерота по переводу г. Козицкого» и «Во мразные минуты...» (*Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 2. С. 191–192*).

⁵⁰ Так, в поэме «Добрыня» (1796) Львов писал о Ломоносове как о «сыне усилия», все трудности «пересиливавшем дарованием сверхъестественным», и в духе сумароковских «вздорных од» иронизировал над барочными чертами поэтики его торжественных од (ИС, 197).

главным доводом в пользу правильности принятого Львовым решения.

Все же несравнимо большее значение имели для Львова переводы анакреонтики не на родной, а на европейские языки. Именно они были главным подспорьем при работе над «Стихотворением Анакреона Тийского»; консультации же с Евгением Булгарисом были, по-видимому, редки и касались тех сложных случаев, когда подстрочник не разрешал сомнений поэта. В связи с этим Львов неоднократно ссылается на толкования, принятые большинством переводчиков Нового времени. И, если их доводы представляются ему разумными, он хочет шагать с ними в ногу. Так, в комментарии к оде III Львов пишет, что он «следовал в сем случае прочим переводчикам и напечатал ее от одного лица Анакреонова» (с. 268). В одном случае поэт даже отверг вариант, который диктовался греческим текстом: «Кивелла, по примечанию Корнелия Павва, была одна из приятельниц Анакреоновых, а не Кивелла, щедрая земли богиня; ту Анакреон не вызвал, кажется, на пляску. Хотя в греческом имя сие писано Кувива, но я следовал переводчикам» (с. 272).

Комментарии позволяют неплохо представить метод работы Львова-переводчика. В затруднительных случаях, как уже говорилось, он обычно обращался к нескольким переводам, подвергая их критическому анализу. В тех же случаях, когда поэт не находил у предшественников удовлетворявшего его варианта, главным критерием при выборе того или иного решения становились индивидуально-вкусовые предпочтения, а также соответствие общим эстетическим установкам и представлению Львова об Анакреонте. При этом Львов, скажу к его чести, был отнюдь не склонен замалчивать спорные пункты и неизменно включал в комментарии варианты перевода на европейские языки, что должно было помочь читателю оценить выбор, совершенный им в каждом конкретном случае.⁵¹

Выявление и краткая характеристика переводов анакреонтики, с которыми действительно работал русский поэт, а также фиксация заимствований (оговорюсь сразу, что выше по преимуществу ана-

⁵¹ Львов в общей сложности 9 раз приводит варианты переводов на французский, немецкий и итальянский языки (с. 67, 72, 79, 83, 90, 91–92, 193, 263, 268–269).

лизировались оригинальные рассуждения Львова) облегчены тем, что русский поэт посчитал необходимым ввести в предисловие (видимо, для придания ему большей наукообразности и веса) перечень более чем сорока известных ему переводов, отметив звездочками те, которым он следовал в наибольшей степени (с. XXIV–XXXIII).⁵² Установка поэта на свободный диалог с читателем проявилась во фразе, которую он предпослал списку: «Для осуждения меня прошу (тех, кои греческого языка не знают) сличить перевод мой с другими и наказать за то, где я отдалился от смыслу подлинника...» (с. XXIII). Как показывает сравнение текстов, перечень является сокращенным переводом нескольких глав предисловия к изданию, вскользь упоминаемому в предисловии к «Стихотворению Анакреона Тийского»:

Ἀνακρέωντος Τηίου μέλη prefixo commentario quo poëtae genus traditur et bibliotheca Anacreonteia adumbratur. Additis var. lectionibus. Parmae: In Aedibus Palatinis, 1791. CXVIII, 111 p. In-16°.⁵³

Этот изящный томик готовил к печати выдающийся итальянский филолог Джованни Кристофано Амадуцци (Giovanni Cristofano Amaduzzi, 1740–1792): он написал обширное вступление на латинском языке (с. I–CVIII), поместил в книгу греческий текст 64 од и 7 эпиграмм (с. 1–78), составил список разночтений (с. 81–111). Издание было осуществлено известным гравером и типографом Джамбатиста Бодони (Giambattista Bodoni, 1740–1813), умевшим не только искать, но и находить высокое покровительство. Так, Мюрат пожаловал ему в 1811 г. орден Обеих Сицилий за поднесенные книги, Наполеон в 1810-м — пенсию в 3 тысячи франков, а через некоторое время — единовременное пособие в 18 тысяч.

Издание Бодони без существенных отклонений повторяет греческий текст книги, подготовленной Анной Дасье (о ее труде смотри ниже): без каких-либо изменений перепечатаны 63 оды и 7 эпиграмм, к которым прибавлен отсутствующий у Дасье греческий отрывок в два стиха.

⁵² Прибавления Львова к этому списку минимальны: это издания Ж. Ж. Мутонне де Клерфона (1773) и И. Г. Ф. Мейнеке (1776). О них подробнее ниже.

⁵³ Здесь и далее описания изданий анакреонтики унифицированы в соответствии с их описанием в кн.: Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs. Paris, 1924. Т. II: Alcaforada–Andoyer.

Для своей вступительной статьи Львов многократно заимствовал фактические данные и сноски из введения Амадуци,⁵⁴ лишь в единичных случаях упоминая пармское издание (с. XI, XIII, XVI, XXXII).

Русскому читателю также должен был представляться итогом научных изысканий самого Львова внушительный библиографический перечень из более сорока названий, о котором уже говорилось выше. В нем звездочками отмечены одиннадцать описаний, которые, как утверждал сам Львов, им активно использовались в его работе над «Стихотворением Анакреона Тийского» (вместо звездочек в данной публикации проставлены номера; опечатки и неточности не исправлены, но отмечены):

1) Первое издание Анакреона сделано было Генрихом Стефаном и напечатано в 1754 <sic!> году в Париже; повторено Робертом Стефаном в 1556 году (с. XXIV).

2) Перевод Анны Дасье на французском языке напечатан в Париже 1681 года; и в Амстердаме 1716 года с примечаниями г-на Ле-Февра <...>. В 1706 году перевел Анакреона Антоний Ла Фосс и напечатал в Париже (с. XXV).

3) В 1682 <sic!> Бернард Лонжепьер перевел сочинения Анакреона, Сафы, Теокрита, Биона и Мосха на французский язык (с. XXV).

4) В 1713 году напечатан в Роттердаме перевод Анакреонов на французском языке Гаконом (с. XXV).

5) Перевод Анакреона, Сафы, Биона, Мосха и Теокрита с прибавлением некоторых Горациевых и Катulloвых сочинений, трудов Гна Муттонета де Клерфона. Один из самых новейших переводов в прозе; напечатан в Париже 1779 году (с. XXVI).

6) На немецкий язык переводил Анакреона профессор Фишер, и перевод его почитается весьма ученым. <...> профессор Фридрих Фишер труды же Бакстеровы, с некоторою только прибавкою, перепечатал в Лейпциге 1774 <sic!> года (с. XXVII–XXVIII).

7) На том же языке переведен Анакреон безымянным переводчиком, напечатан в Лейбциге 1776 году, и перевод сей на немецком языке считается лучшим (с. XXVII).

8) Весьма славится на итальянском языке перевод, сделанной французом Аббатом Ренье. Славный сей перевод напечатан в Париже 1696 <sic!> года (с. XXIX).

9) Павел Роми <sic!> в Лондоне 1740 <sic!> года (с. XXX).

⁵⁴ Это в общей сложности одиннадцать библиографических ссылок на исторические источники в предисловии Львова. Многие из них повторены затем в «Оглавлении древним и новейшим авторам, на свидетельствах коих основана жизнь Анакреонова» (с. XXXV–XXXVI).

10) В наши же времена прославился переводом Анакреона, в Риме изданным, Иосиф Спалетти <sic!>, который исправя погрешности текста, перевел оды Анакреоновы тем же ударением стихов, как и в греческом подлиннике (с. XXXII).

11) На испанский язык Анакреона перевел Дон Стефан Мануил де Вельгас, печатан в Мадрите 1774 года (с. XXXII).

Как показывает детальное сопоставление приведенных выше изданий с предисловием и с комментариями к «Стихотворению Анакреона Тийского», можно с уверенностью утверждать, что книги, упомянутые выше под номерами 1, 6, 8, 10 и 11, Львовым в его работе не использовались.⁵⁵ Все же весьма существенно и потому подлежит объяснению, почему Львов заимствовал именно эти названия у Амадуцци. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, ниже даются описания этих изданий, обследованных *de visu*, а также их краткие характеристики.⁵⁶

В первой позиции подразумевались следующие две книги:

1) Ἀνακρέοντος Τηϊῶν μέλη. Anacreontis Teij odæ. Ab Henrico Stephano luce & latinitate nunc primum donatæ. Lutetiae: Apud Henricum Stephanum, 1554. [6], 110 p. In-4°; Ἀνακρέοντος καὶ ἄλλων τινῶν λυρικῶν ποιητῶν μέλη. Anacreontis et aliorvm lyricorum aliquot poëtarum odæ. In easdem Henr. Stephani observationes. Eædem latinæ. Parisiis: Apud Gui. Morelium, in Grecis typographum Regium, et Rob. Stephanum, 1556. 122 p. In-8°.

Мотивы, по которым русскому поэту захотелось ввести ссылку на *editio princeps*, очевидны. Эта книга, подготовленная Анри Этьенном (Henri Estienne, 1528–1598; латинизированная форма имени — Henricus Stephanus), выдающимся филологом и издателем эпохи Ренессанса, определила текстологию изданий анакреонтики на протяжении более чем трех столетий и неизменно упоминалась весьма уважительно. И хотя в комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» русский поэт дважды ссылается на парижское издание 1554 года (с. 180, 189), эти ссылки — точный перевод примечаний в книге Анны Дасье (р. 120; 128), что лишь утверждает во мнении о недоступности Львову труда Анри Этьенна.

⁵⁵ В «Стихотворении Анакреона Тийского» эти издания более не упоминаются; прямых заимствований из них нет. Особые случаи оговорены ниже.

⁵⁶ В абзацах, посвященных этим изданиям, отсылки к ним даются в тексте с указанием страниц в скобках.

Как явствует из описания второй из упомянутых книг, опубликованной в 1556 г., это перепечатка первого издания, осуществленная Робером Этьенном, братом Анри (Robert Estienne, 1530–1571; латинизированная форма имени — Robertus Stephanus), и Гийомом Морелем (Guillaume Morel, 1505–1564). Характеристика двух этих трудов — почти дословный перевод латинского пассажа Амадуцци на с. XLIII–XLIV пармского издания.

6) *Anacreontis teii carmina graece e recensione Guilielmi Baxteri cum eiusdem Henr. Stephani et Taneguidi Fabri notis. Accedunt duo Sapphus Odaria atque Theocriti Anacreonticum in mortuum Adonin. Curavit Ioh. Frid. Fischerus. Lipsiae, 1754. [32], 236 p. In-8°; Anacreontis carmina graece e recensione Guilielmi Baxteri cum eiusdem Henr. item Stephani atque Taneguidi Fabri notis. Accesserunt duo Sapphus odaria et Theocriti anacreonticum in mortuum Adonin. Iterum edidit varietatemque lectionis cum suis animadversionibus et Anacreontis fragmenta adjecit Ioh. Frider. Fischerus. Lipsiae, 1776. LXXVIII, 324 p. In-8°.*

Книги, подготовленные к печати немецким филологом Иоганном Фридрихом Фишером (Johann Friedrich Fischer, 1726–1799), издателем и комментатором Юстина, Платона, Феофраста, Овидия, — это критическое воспроизведение текстов, а не переводы; источник ошибки — характеристика Амадуцци.

8) *Le poesie d'Anacreonte, tradotte in verso toscano e d'annotazioni illustrate [dall'abate Régnier-Desmarais]. Parigi, 1693. 207 p. In-8°.*

Книга, подготовленная французским литератором Ф. С. Ренье-Демаре (François Séraphin Régnier-Desmarais, 1632–1713), вышла не в 1696 г., как указано Львовым, а в 1693-м. Причина неточности — дата, сообщаемая Амадуцци на с. XCIII. Хотя в комментариях «Стихотворения Анакреона Тийского» дважды упоминается имя Ренье-Демаре, эти отрывки — перевод соответствующих примечаний Лафосса (см. в издании Анны Дасье 1716 г. — p. 44, 76).

10) Ἀνακρέοντος <...> συμποσιακὰ ἡμιᾶμβια. *Anacreontis convivialia semiambia* [Edidit J. Spalletti]. Romae: In aedibus J. Spalletti, 1781. LX p. In-fol.

В книге Джузеппе Спаллетти текст 59 анакреонтических од воспроизведен сначала факсимильно по рукописи, а затем печатно в сопровождении латинского перевода; характеристика издания заимствована Львовым у Амадуцци (p. CV–CVI).

11) *Las Eróticas y Traducción de Boeccio, de don Esteban Manuel de Villegas*. Madrid, 1774. 2 t. In-8°.

Ссылка на переиздание сборника поэтических переводов одного из наиболее известных литераторов испанского Ренессанса Э. М. Вильегаса (Esteban Manuel de Villegas, 1595–1669) также почерпнута у Амадуцци (р. СІХ).

Судя по всему, Львов в достаточной мере латыни не знал и при переводе библиографического перечня действовал на свой страх и риск, чем объясняется, к примеру, следующая ошибка в предисловии:

В 1758 году в Нанси напечатан перевод французскими стихами Анакреона, Сафы, Биона, Мосха и Тиртея трудов Алонзия <sic!>, многими сочинениями прославившегося(а) (с. XXVI).

Внизу той же страницы Львовым сделано примечание: «(а) Есть еще перевод Поенсинета на французском языке и довольно похваляемый, но мне он не известен» (с. XXVI). Однако Амадуцци имел в виду одного человека — Aloysius'a Poinsinetus'a (латинизированная форма имени переводчика Анакреонта Луи Пуансине де Сиври (Louis Poinsinet de Sivry, 1733–1804): «Post hunc venit Aloysius Poynsinetus multis editis libris clarus, qui Anacreontem, Sappho, Bionem, Moschum et Tyrtaeum gallicis carminibus reddidit, typisque mandavit Nancii an. MDCCLVIII»⁵⁷ (то есть: «После него выступил Алоизиус Поинсинетус, известный множеством изданных книг, который Анакреонта, Сапфо, Биона, Мосха и Тиртея перевел галльскими песнями и предал печати в Нанси, в 1758 году»)).⁵⁸

Переходя к обзору изданий, которыми Львов действительно пользовался в своей работе, нужно отметить, что его главным источником была книга, подготовленная известной участницей спора о Древних и Новых, филологом-классиком и переводчицей Анной Дасье (Anna Dacier, 1651–1720). Ей же принадлежат комментированные издания Гомера, Каллимаха, Плавта, Теренция и

⁵⁷ Ἀνακρέωντος Τηίου μέλη prefixo commentario quo poëtae genus traditur et bibliotheca Anacreonteia adumbratur. Additis var. lectionibus. Parmae: In Aedibus Palatinis, 1791. P. LXII.

⁵⁸ Здесь и далее переводы, авторство которых специально не оговорено, принадлежат автору статьи.

других античных писателей. Греческий текст Анакреонта со своим прозаическим переводом она публиковала трижды — в 1681, 1699 и 1716 гг. Русский поэт, как явствует из сносок, пользовался самым полным, амстердамским изданием:

2) *Les Poésies d'Anacréon et de Sapho, traduites en françois, avec des remarques par Mme Dacier. Nouvelle édition augmentée de notes latines de M. Le Fèvre et de la traduction en vers françois de M. de La Fosse. Amsterdam, 1716. 2 pt. In 8°.*

Первые восемь нумерованных страниц книги Анны Дасье занимает письмо герцогу де Монтозье, воспитателю наследника престола. Здесь говорится, что подготовленный труд был предпринят, чтобы облегчить дофину чтение древних, а также для того, чтобы дать возможность всем изучать их с меньшим трудом и с большей пользой. Стихи Анакреонта названы здесь изящнейшим и галантнейшим из всего, что имела Греция, а чуть далее — наиболее совершенным из того, что создали Грации, Смехи, Игры («*les Graces, les Ris, les Jeux*»).

В предисловии Дасье писала, что перевод Анакреонта Реми Белло неточен, устарел и что в нем невозможно найти какую-либо прелесть (р. [10]). Далее дан критический обзор переводов анакреонтики на латынь и итальянский. Главную заслугу своей работы Дасье видит в большей точности по сравнению с ними, хотя и считает возможным удалиться от греческого текста в тех случаях, когда текст полностью противоречит нравам начала XVIII в. («*entièrement contre nos manières*»), что всегда отмечается в примечаниях.⁵⁹

Дасье выступает в защиту Анакреонта против упреков в возможной сухости, отсутствии в его одах «роинте» (остроты, изящных поворотов). Она считает, что это общее свойство древних — и у Гомера нет «роинте», хотя повсюду есть «esprit» (ум, рассудок). Также и Анакреонт следует природе, представляя на суд разума образы благородные и простые.

В статье «Жизнь Анакреонта» (р. [19]–[26]) на основании сопоставления разнообразных свидетельств сделана попытка реконструировать биографию античного поэта. Львовым использованы

⁵⁹ Эта установка, оправдывающая возможность внесения некоторых изменений в переводимый текст, присуща и Львову, как на то указывалось выше.

следующие сведения, восходящие к Анне Дасье: об отце Анакреонта, времени и месте его рождения, о его родственниках, о беседах с Поликратом. Если первые два абзаца в статье русского поэта представляют собой довольно близкий перевод начальных строк предисловия французской ученой (изменено лишь расположение фраз), то в дальнейшем Львов свободно пользуется собранными его предшественницей фактами для аргументации собственных положений.

На с. 1–229 в книге Анны Дасье расположены оды Анакреонта: слева — греческий текст, справа — французский прозаический перевод, внизу страниц — обширные комментарии. Порядок стихов в амстердамском издании и в «Стихотворении Анакреона Тийского» совпадает до LV оды включительно. Оды LVI, LVII Львовым опущены.⁶⁰ Ода LVIII соответствует в «Стихотворении Анакреона Тийского» ода LVI, LIX — LVII (первая часть), LX — LVII (вторая часть), LXI — LVIII, LXII — LIX, LXIII — LX, LXIV — LXII, LXV — LXIII, LXVI — LXIV, LXVII — LXV, LXVIII — LXVI, LXIX — LXVII, LXX — LXI. Эпиграммы в издании Анны Дасье и русского переводчика приведены одни и те же, а ода неизвестного поэта к Анакреонту, заключающая книгу Дасье, Львовым опущена.⁶¹

Издание Анны Дасье упоминается в комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» в общей сложности 36 раз. Русский поэт многократно приводил в комментариях по-французски варианты перевода стихов, ей принадлежащие (см. с. 72, 77, 78, 79, 80, 82, 90, 173, 183, 191, 264). Кроме того, по моим подсчетам, около 106 строк комментария Львова составляет перевод примечаний

⁶⁰ Отсутствие какой-либо аргументации в «Стихотворении Анакреона Тийского» в данном случае лучше, чем какой-либо иной пример, демонстрирует произвольность решений Львова и отсутствие у него каких-либо «научных» на то оснований. И для предшественников русского поэта, и для позднейших издателей и переводчиков оды «εἰς χρῦσον» и «εἰς Ἀπόλλωνα» — неотъемлемая часть корпуса анакреонтики.

⁶¹ При воспроизведении греческого текста Львов следовал за Анной Дасье, объяснив пропуск некоторых текстов так: «Во многих изданиях Анакреона напечатано под именем сумнительных число од Анакреоновых более переведенных мною; но как многие спорят о подлинности оных по некоторым наречиям, Анакреону несвойственным, и таланта его недостойным, то я и не захотел за счет славы его сделать брюхатую книгу» (с. XXXIII).

Анны Дасье с указанием источника, что занимает около 6 страниц сплошного текста в «Стихотворении Анакреона Тийского». Однако еще большее число заимствований не было обозначено — в общей сложности они составляют 147 строк, то есть около 8,5 страниц сплошного текста. Львов также довольно часто приводит цитаты из различных авторов, почерпнутые в комментариях своей французской предшественницы (из Феокрита, Пиндара, Овидия, Вергилия и т. д. — всего 46 стихов). Латинские стихи воспроизведены Львовым в тексте примечаний, греческие же цитируются только в переводе с французского языка, хотя Дасье приводит и подлинник. Таким образом, около 300 строк комментария «Стихотворения Анакреона Тийского» — перевод материалов Анны Дасье. В процентном отношении это составит, учитывая, что текст расположен довольно разбросанно, около 35–40%. Этим связь двух изданий не исчерпывается, в тексте примечаний русского издания много случаев полемики, часто скрытой, отталкивания, аллюзий (см. с. 80, 92, 169, 172, 173, 194–195, 262–267, 282). В мифологических, реальных, географических и исторических комментариях Львов точно следует за французским источником. Когда же речь идет о толковании, перевод «обрастает» рассуждениями русского поэта, а подчас и переходит в спор.

С. 231–255 книги французской переводчицы занимает биографическая статья о Сапфо, стихи древнегреческой поэтессы и их прозаический перевод, а с. 256–304 — латинские комментарии Таннеги-Лефевра к Анакреонту, которыми Львов не пользовался. Упоминание имени этого ученого в комментариях «Стихотворения Анакреона Тийского» — всегда результат перевода соответствующего примечания Анны Дасье, его ученой дочери.

Далее с отдельной пагинацией в амстердамском издании следует воспроизведение стихотворного рифмованного перевода Антуана Лафосса (Antoine de Lafosse, 1653–1708), вышедшего в Париже в 1706 г. Он начинается с посвящения герцогу Орлеанскому (р. III–V), затем следует предисловие (р. VIII–XVIII) и статья «Жизнь Анакреонта» (р. XIX–XXIV). Как и Анна Дасье, Лафосс считал нужным отметить, что он более держался смысла, чем слов, ибо смысл на всех языках один, а слова отличны. Французский переводчик называет Анакреонта наиболее грациозным из всех поэтов. Если же кто-то найдет оды его слишком простыми, то должен понять, утвер-

ждает Лафосс, что таков вкус античности. Вторую часть предисловия занимает восторженная характеристика древних в самых общих выражениях (они верны природе, их всякий читает с удовольствием и т. д.). Статья «Жизнь Анакреонта» Лафосса (с. XIX–XXIV) менее содержательна, чем аналогичная статья Дасье. Далее находится стихотворный перевод 55 од Анакреонта с подстрочными комментариями (р. 1–104).

Хотя Львов утверждал в перечне, что одним из источников его работы было отдельное издание перевода Лафосса, есть основание усомниться в этом: на с. 79 русский поэт отсылает к с. 17 перевода Лафосса. Этому отрывку соответствует примечание на с. 17 в амстердамском издании, а в отдельно вышедшем в 1704 г. переводе французского поэта — с. 27. Если Львов и располагал изданием 1704 г., то в своей работе он чаще обращался к более поздней републикации, на которую будут далее даваться ссылки. Львов неоднократно приводил в комментариях варианты перевода Лафосса (с. 72, 79, 90, 91, 183), использовал его примечания с указанием источника⁶² и дважды без такового.⁶³

Следующее издание, к которому Львов несомненно обращался, — перевод французского поэта и драматурга И. Б. Лонжепьера (Hilaire-Bernard de Roqueleyne, baron de Longepierre, 1659–1721), вышедший в Амстердаме в 1692 г. (в перечне вслед за Амадуцци неверная датировка — 1682):

3) Les Œuvres d'Anacréon et de Sapho, contenant leurs poésies et les galanteries de l'ancienne Grèce. Traduites de grec en vers françois par M. de Longepierre avec des notes curieuses sur tout l'Ouvrage. Paris, 1692. [16], 400 p. In 12°.

В кратком предисловии Лонжепьер писал, что следовал в своей работе смыслу подлинника, хотя порой и добавлял одно-два слова (р. [1]–[9]). Французский поэт отзывался с большим уважением о труде своей предшественницы Анны Дасье (первое издание Анакреонта с ее комментариями вышло в Париже в 1681 г.) и признавался, что активно использовал ее примечания.

⁶² Ср.: с. 177 — р. 68 (3,5); с. 185 — р. 76 (3,5). Слева указан номер страницы в «Стихотворении Анакреона Тийского», после тире — в издании Лафосса; в скобках обозначено количество строк, являющихся переводом.

⁶³ А именно: с. 85 — р. 29–30 (10); с. 90 — р. 44 (4).

Во вступительной статье Лонжепьера «Жизнь Анакреонта» (р. 10–16) повторены сведения из аналогичной статьи Анны Дасье. Порядок од в издании 1692 г. тот же самый, что у Дасье (это билингва: слева греческий текст, справа — стихотворный рифмованный перевод). Лишь под конец введены фрагменты LXV, LXIX, LXXI, у Дасье отсутствующие и Львовым проигнорированные.

Эпиграммы в изданиях Дасье, Львова и Лонжепьера приведены одни и те же. Как и у Дасье, первую часть издания 1692 г. завершает ода неизвестного поэта к Анакреонту. Далее в книге Лонжепьера следует статья о Саффо, оды древнегреческой поэтессы и их французский перевод с примечаниями (р. 347–397). Использование этого издания Львовым было весьма скромным — заимствован материал для одного довольно обширного комментария (с. 281 — р. 308; 16 строк).

Четвертым по счету источником для Львова было издание, вышедшее в Роттердаме в 1712 г. (и у Амадуцци, и в «Стихотворении Анакреона Тийского» опечатка — 1713):

4) *Les Odes d'Anacréon et de Sapho en vers françois par le Poëte sans fard*. Rotterdam, 1712. CCXII, 360 p. In-12°.

Под именем «искреннего поэта» (дословно: «поэта без грима», «поэта без прикрас») скрылся французский сатирик Франсуа Гакон (François Gacon, 1667–1725), что не было секретом для Львова. В самом начале обширного введения (р. I–CCCII) Гакон писал, что только он мог решиться на перевод Анакреонта, столь часто бывшего предметом общего внимания и известного непосредственностью выражения. Предисловие Гакона обращено одновременно и против Р. Леклерка, настаивавшего на бесполезности поэзии, и против Б. Фонтенеля, презиравшего древних, и против Анны Дасье, предпочитавшей прозаический перевод. Вторую треть издания составляет статья «История жизни и од Анакреонта» (р. 1–340), в которую включены биографические данные, греческий и французский тексты од античного поэта, а также восторженные характеристики его стихов.

Порядок расположения од I–LVI у Гакона и Львова совпадает, остальные стихотворения в книге французского поэта отсутствуют. Завершают томик оды Саффо (р. 343–354) и комментарий к ним.

В «Стихотворении Анакреона Тийского» трижды фигурирует перевод Гакона: Львовым похвален перевод XXX оды (с. 144–212),

сочувственно процитированы отзывы об одах IX (с. 187–188 — р. 254–255) и XIV (с. 262 — р. 277).

Двухтомную антологию античных поэтов во французском прозаическом переводе представляет книга Ж. Ж. Мутонне де Клерфона (Julien-Jacques Moutonnet de Clairfons, 1740–1813), первым изданием которой пользовался в своей работе Львов⁶⁴:

5) Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différents auteurs. Par M. М*** С***. Paris, 1773. In-4°.⁶⁵

Раздел, посвященный Анакреонту (р. 1–94), включает статью «Жизнь Анакреонта» и перевод 62 од, шести эпиграмм и двух фрагментов, которые сопровождаются обширными комментариями. Особенность данного издания в том, что Мутонне де Клерфон включал в примечания стихотворные переводы других авторов, а также подражания, варьируя мотивы той или иной оды. Львов четырежды с указанием источника ссылается на фактические данные, содержащиеся в биографической статье Мутонне де Клерфона (с. II, XIII (дважды), XVIII), о котором был явно невысокого мнения, как следует из примечания на с. II: «Еециею названа мать его [Анакреонта. — К. Л.-Д.] в переводе французском, г. Мутонне де Клерфон в 1773 году напечатанном, но я не нашел на сие предание никакого древнего свидетельства и не очень уверен, нужно ли было искать оного».

На критический лад Львова, видимо, настроила некоторая поверхностность суждений, присущая статье Мутонне де Клерфона, как это, например, заметно в следующей характеристике античного поэта: «Son âme étoit noble & élevée: il avoit l'esprit enjoué & charmant; l'imagination riche & fleurie; le cœur peut-être plus voluptueux que tendre» («Его душа была благородна и возвышенна: он имел ум живой и обаятельный; воображение богатое и пышное; сердце, возможно, более страстное, чем нежное»; р. 8–9). Совпадение же

⁶⁴ В списке переводчиков Анакреонта Львовым вслед за Бодонием указан 1779 г. как дата выхода из печати перевода Мутонне де Клерфона (с. XXVI), хотя немногим выше в том же предисловии он признавался, что имел под рукой издание 1773 г. (с. II).

⁶⁵ Антология Мутонне де Клерфона пользовалась широкой популярностью в XVIII столетии; она издавалась в 1773, 1779, 1780, 1782 и 1785 гг.

в трактовке образа античного лирика в двух предисловиях удалось отыскать лишь одно: Львов подчеркивал, что картины Анакреонта «суть ничто иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI), тогда как Мутонне де Клерфон утверждал: «Tous ses vers prouvent qu'il ne consultoit que son coeur & la nature» («Все его стихи убеждают, что он советовался только со своим сердцем и с природой»; р. 10). Все же эти суждения настолько общи, что не позволяют говорить о цитировании или непосредственном заимствовании.

В своих комментариях Львов шесть раз приводит варианты перевода, избранные Мутонне де Клерфоном (с. 67, 77, 87, 91, 183, 269), один раз сочувственно цитирует примечание с указанием источника (с. 186 — р. 57–59) и один раз без ссылки (с. 272 — р. 82). На с. 187 Львов цитировал идиллию Феокрита, отрывок которой приведен и у А. Дасье (р. 125), и у Мутонне де Клерфона (р. 57). Хотя переводы различны, текст настолько близок, что нельзя установить, чье примечание стало источником для комментария Львова. Полемизируя с мнением Дасье о XLIV оде (с. 195), русский поэт утверждал, что это стихотворение Анакреонта ему почти не нравится и даже песенка мадемуазель Потар де Лю кажется лучше. Эта песенка приведена в издании Мутонне де Клерфона в комментариях (р. 64–65).

Львов неоднократно обращался к анонимному немецкому изданию переводов из Анакреонта, принадлежащему Иоганну Генриху Фридриху Мейнеке (Johann Heinrich Friedrich Meinelcke, 1745–1825):

7) Anakreons Gedichte, nebst zwey andern anakreontischen Gedichten und den Oden der Sappho, aus dem Griechischen in die Versarten des Originals übersetzt. Leipzig, 1776. 142 S. In-8°.

Мейнеке не раз с уважением отзывается в предисловии (с. 1–8) о труде своего предшественника И. Н. Гётца,⁶⁶ полагая все же, что немецкий читатель должен получить более совершенный перевод, ибо Гётц разжижал мысли Анакреонта. Он также порой без нужды отступал от подлинника, а иногда более следовал французскому тексту Дасье, чем оригиналу (S. 5). Помимо введения книга содер-

⁶⁶ Имелось в виду издание, в котором имя переводчика не указано: Die Gedichte Anakreons und der Sappho Oden. Aus dem Griechischen übersetzt und mit Anmerkungen begleitet. Karlsruhe, 1760. 228 S.

жит краткую биографическую статью (S. 9–18) и нерифмованные стихотворные переложения 67 од (S. 21–124). Русский поэт использовал книгу Мейнеке главным образом при поиске более удачных вариантов перевода. Этим вызвана ее цитация в примечаниях (с. 67, 72, 83, 87, 91, 183, 189, 263).

Перевод од Анакреонта на итальянский язык, выполненный Паоло Ролли (Paolo Rolli, 1687–1764), появился в Лондоне в 1739 г. (у Львова вслед за Амадуцци ошибка — 1740, а имя поэта обезображивает опечатка — «Павел Роми»):

9) Delle Ode d'Anacreonte teio traduzione di Paolo Rolli. Londra, 1739. [2], 70 p. In-8°.

Гравированный портрет Анакреонта в лавровом венке открывает книгу, украшенную большим числом изящных виньеток. В кратком обращении к читателю (р. [1]–[2]) подчеркиваются главные особенности поэзии Анакреонта — «природная изысканность, возвышенная простота, изящная грация, сладчайшие стихи» («vagherza naturale, semplicità sublime, grazie vezzose, dolcissimi versi»), а также неподражаемость. Далее следует перевод на итальянский 64 од рифмованными стихами, которые замыкает нумерованная «Последняя ода» («oda ultima»), по всей видимости подражание Ролли греческому лирику (р. 68–70). Львов трижды процитировал итальянский текст лондонского издания для обоснования верности собственного перевода (с. 83, 90, 91).

Выше в статье указано на следы, которые оставили в «Стихотворении Анакреона Тийского» книги, имевшиеся у Львова под рукой, а именно: издания Бодони, Дасье, Лафосса, Лонжепьера, Гаккона, Ролли, Мутонне де Клерфона и Мейнеке. Семь из них (то есть все, кроме тома, изданного Бодони) содержали переводы стихов Анакреонта. Верность сделанных наблюдений подтверждает и следующая проговорка Львова — на с. 174 он признался, что в поисках наиболее удачного варианта сравнил семь переводов на разные языки; и это совпадает со сделанными подсчетами.

4. Н. А. Львов об Анакреонте и задачах переводчика

Замечательной особенностью «Стихотворения Анакреона Тийского» следует признать то, что предисловие и комментарии в этой книге, взаимно дополняя друг друга, составляют оригинальное це-

лое. Ряд положений, прокламируемых во введении, реализуется в примечаниях, которые в свою очередь не раз отсылают к предисловию. Оговорюсь сразу, что речь пойдет об оригинальных положениях Львова или о положениях, им оригинально развиваемых, а не о той многообразной информации, которую он черпал у предшественников (специфика использования поэтом переводов из Анакреонта и комментированных изданий анакреонтики XVI–XVIII вв. освещена выше).

В предисловии Львов ставит своей задачей прежде всего пересмотреть репутацию Анакреонта и со свойственной ему страстностью обрушивается на расхожее представление об Анакреонте как о никчемном гуляке: «Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил» (с. IV). Надо сказать, что со сходной задачей до Львова сталкивались почти все публикаторы стихов Анакреонта и анакреонтики. Им было необходимо доказать общественную ценность и безвредность для нравов этой сугубо гедонистической поэзии. Поэтому они предпочитали говорить о маске, надевавшейся поэтом в минуты пиров, о приверженности его изящным, а не грубым наслаждениям.⁶⁷ Львов строит свою апологию сходным образом, подчеркивая, что уже в античности раздавались голоса в защиту теосского лирика: «Платон называет мудрым Анакреона. Елиан по прозванию Сладкоязычный в истории своей говорит: „Да не осмелится кто-либо порочить Тийского стихотворца, называя его невоздержным“» (с. XV–XVI). Поэтому нельзя, считал русский поэт, основав свое мнение «на стихах застольных, на песнях веселых и любовных», заключить, что «сочинитель оных был развратной пьяница». Порукой в этом служат подлинные известия о поэте, а также его утонченный художественный вкус, ибо «люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат» (с. XVII).⁶⁸

⁶⁷ Руководствуясь сходными соображениями, немецкие поэты-анакреонтики Ф. Хагедорн, И. В. Л. Глейм и К. Ф. Вейсе нередко подчеркивали несоответствие между своим действительным образом жизни и тем, что изображено в их стихах (*Ausfeld F. Die deutsche anacreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts; Ihre Beziehung zur französischen und zur antiken Lyrik. Materialien und Studien. Straßburg, 1907. S. 39*).

⁶⁸ При подготовке второго издания Львов уточняет свой аргумент, заменив эпитет «тонкий» на «нежный» в этом пассаже (к, с. XVII).

По стихам нельзя судить о нравственных принципах Анакреонта (здесь Львов, как и в ряде других случаев, противоречит некоторым из своих же прежних высказываний): «А между тем Эпикур, учитель роскоши, жил воздержно. Гораций вина не пил» (с. XVIII). Хотя это утверждение о Горации способно вызвать лишь улыбку, оно немаловажно в системе аргументации Львова, полагавшего, что Анакреонт имел многие добродетели (с. III), что в нем высокое происхождение соединилось с высокими нравственными качествами и дарованиями: «...наследное свое благородство умел Анакреон поддержать силою своего таланта, поведением своим, добродетелью, твердостью» (с. IV).

Анакреонт, по мнению переводчика, не только выдающийся поэт, но и «изобретатель анакреонтических стихов, какими писал он, которыми потом писали многие; но до него никто не писал» (с. X). Теосский лирик, великолепно владевший греческим языком, неподражаем, в пользу чего приведен следующий, прямо скажем, неочевидный аргумент: «по сию пору не было еще Анакреона ни в каком народе» (с. XII).

Особенно же, по мнению Львова, важно то, что Анакреонт не только «отменный стихотворец», но и «проповедник толь утешительной и толь приятной философии» (с. II). Стихи его были созданы во время отдыха, застолья и в изящной поэтической форме отражают состояние души античного поэта именно в эти минуты. Поэтому Анакреонт — своеобразный наставник, учащий утонченному проведению досуга, а главное достоинство его поэзии — в «приятной философии, каждого человека состояние улаживающей» (с. IV–V), в «пленительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, который останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V–VI). В этом Львов отчасти опирается, но и не в меньшей степени отталкивается от мнения Ломоносова, высказанного тем в «Разговоре с Анакреоном»:

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,

Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал...⁶⁹

Действительно, отдавая должное Анакреонту как «философу жизни», как тому, кто жил по объявленным им принципам, Ломоносов, конечно же, был далек от того, чтобы признать за этой философией этическое значение для общества и призывать к следованию ей. Видимо, ощущая некоторую шаткость своей аргументации, Львов вводит в игру еще один довод — благочестие Анакреонта, прямые доказательства в пользу которого ему привести нелегко: «Потому что Анакреон не токмо наблюдал наружные богослужения обряды, но доказывал на самом деле, что душа его исполнена была действительным смыслом их таинств; без того и стихи его не были бы глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения» (с. VII).

Наряду с художественными достоинствами стихов теосского лирика Львов отмечает их близость впечатлениям поэта, их «естественность»: «Стихи плавны, свободны; картины и рассуждение его (если таковыми можно назвать действительное убеждение сердца) суть ни что иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI). Душа Анакреонта была «толь мягкого и нежного свойства», что он не мог петь ничего, кроме любви и утех, поэтому он всю жизнь был предан Венере, Купидону, харитам. Те же представления Львов развивал в примечаниях к XLIII оде: «Ода сия всегда мне в мысли представляет чувствительного человека, обрадованного голосом весны, которой впечатления умел он ощутить и свойственным действию языком изобразить сердце, отверстое на прелести природы» (с. 194). В оде XXXIII «К ласточке» Львов видел аллереорию (впрочем, как и в оде XXXII — см. с. 175), выражающую постоянство Анакреонта «к одной только страсти,

⁶⁹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 270–271. «Разговор с Анакреоном» (написан между 1758 и 1761 гг.), имевший важнейшее значение для Львова, был впервые опубликован в 1771 г. и после этого неизменно перепечатывался в собраниях сочинений Ломоносова.

а не к предметам оной» (с. 176), что, видимо, тоже должно было подчеркнуть его чувствительность.

Благодаря своему таланту и высоким нравственным качествам Анакреонт занимает исключительное место в истории мировой поэзии. Уже в древности он был образцом для поэтов. Ниже Львов касается проблематики знаменитого спора конца XVII столетия, спора о Древних и Новых, и противопоставляет поэзию Нового времени античной, отдавая предпочтение последней. Но в отличие от Ж. Лафонтена, Н. Буало, А. Дасье, которые ценили древнюю литературу как высшее проявление величественного и рационально постигаемого, Львов вполне в духе идей европейского сентиментализма считал главным достоинством античных авторов то, что они с простотой и безыскусностью смогли выразить переживания частного человека; русский поэт признается в предисловии, что долго не понимал прелести стихов греческого лирика, их вневременную ценность (этот пассаж, как и ряд некоторых других, весьма показателен, ибо из него явствует, что предисловие написано очень лично, от первого лица):

Но что отменного, что хорошего в Анакреоне? Все безделки... читая много раз Анакреона, спрашивал я сам у себя, будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората, до самых тех пор, покуда учение древних авторов, очисти вкус мой от фальшивых блесков французских лириков, не открыло глазам моим важную и простую красоту истины; тогда только ощутил я, разницу увидя, что витийственные красоты новых писателей блистают в памяти, как искра в воздухе; древние же, постоянным примечанием человеческих дел красоты истины в чистом источнике природы почерпавшие, умели в коротких сочинениях своих так оживотворить действием, что проходя без усилия память, начертаются они в сердце приятным и утешительным впечатлением... (с. VII–IX).

Ф. Петрарка, А. Л. Тома, К. Ж. Дора, Г. А. Шолье, С. Геснер и другие новые поэты, по убеждению Львова, лишь подражатели Анакреонта, «потому что все черты его ума, все изречения души принадлежат его собственному ощущению» (с. XI). В их же стихах «и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледностью своею для глаз наших» (с. XI). Поэтому многие мотивы од теосского лирика известны через их парафразы в новой литературе, в плоть и кровь которой они вошли. В примечании к оде LVIII Львов отмечал: «Мы везде, кажется, эту песенку и читали и знаем, кроме подлинника, которым она служила знакомым нашим...»

(с. 274). А «комедия граций» Ж. Сен-Фуа,⁷⁰ по мнению русского поэта, восходит к оде XXX Анакреонта (с. 173).

При подготовке переиздания Львовым были сделаны незначительные, но характерные поправки: если сначала говорилось о «пухлостях» какого-нибудь Томаса или пряного Дората, то теперь об их «пухлом витийстве» (к, с. VIII), а «витийственные красоты» были заменены на «витийственные украшения» (к, с. VIII). Более понятны становятся упреки по адресу новых поэтов — они, якобы, изменили верности природе, правде сердца, прельстившись пышностью и декоративными эффектами. По мнению Львова, между Анакреонтом и читателем его стихов возникает некоторый рационально непостижимый контакт (к тому же следует стремиться и всякому истинному поэту): «...между писателем и мною, читавшим одного, остается какая-то взаимная доверенность, знакомство, хотя не личное, но такое, по которому можешь себе иногда сказать: „он этого бы не подумал“, или „он бы в сем случае так не поступил“» (с. IX). Подобное действие вызвано тем, что древние «сообщали свету только то, в чем сами были убеждены опытом» (с. IX). Между Львовым и античным поэтом в определенный момент состоялось это сближение, имевшее для него этическое значение: «...Анакреон, мне кажется, искусив ощущение природы, открыл мне оное в душевной своей откровенности с тем, что его стихами чаще я могу к добру своему руководствоваться, нежели пощеголять, повторяя оные в беседе...» (с. IX–X).

С именем теосского лирика Львов связывал идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя, во многом предвещающее знаменитую пушкинскую формулу «Слова поэта суть уже его дела»:

Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, человека узнавали бы вдруг и по собственной расписке его, так сказать, сократился бы тогда путь к познанию и благоденствию его (к, с. XVIII).⁷¹

⁷⁰ Ср. запись, сделанную в связи с чтением пьесы Ж. Ф. Пуллена де Сен-Фуа «Граций», сделанную Львовым 12 июля 1773 г. в «Путевой тетради № 1» (ИРЛИ. 16.470 / CIV620. Л. 28 об.). Судя по ней, поэт читал комедию в итальянском переводе.

⁷¹ Здесь уместна следующая цитата из «Письма к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева» Батюшкова: «Счастлив тот, кто мог жить, как писал,

В «Стихотворении Анакреона Тийского» Львов реализовал часть своих теоретических положений, поэтому книгу следует рассматривать не только как перевод, но и как воплощение комплексного художественного замысла. Особенно важны в этом отношении примечания, которые, кроме пояснений к реалиям, географическим названиям, мифологическим именам и т. д., содержат автобиографические отступления, оценки художественных достоинств той или иной оды, перемежающиеся критическими этюдами и даже анекдотами. Качества, которые Львов столь ценил в анакреонтической поэзии, должны были, по всей видимости, быть присущи и его собственному труду — отсюда в комментариях установка на максимальную искренность, ибо читателю нужно помочь возможно лучше узнать переводчика, поверить ему. То полезное, что вынесет из книги всякий взявший ее в руки, должно быть облечено в изящную форму, иначе оно не достигнет своей цели. Львов вводит в комментарий элементы свободного диалога с читателем, игры, иронии, разговорные обороты, автобиографические признания, он с лукавством или деланным прямотушием пишет о своих оппонентах, когда они, как ему кажется, неправы.

Приведу несколько примеров непринужденной манеры изложения в комментариях Львова, благодаря которой перед читателем начинает вырисовываться образ Переводчика, симпатичного рассказчика, — с одной стороны, искренне и глубоко лично повествующего о своем восхищении Анакреонтом и о собственной истории постижения красот его стихов; с другой — преследующего цели чисто развлекательные, наполняющего перитексты светской болтовней и остротами.

Как уже отмечалось, в предисловии Львов подчеркивал умеренность потребления вина Анакреонтом; частое же упоминание этого

и писать, как жил!» (*Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. / Со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В. И. Саитовым. СПб., 1885. Т. 2. С. 89*). Напомню, реплика Пушкина «Слова поэта суть уже его дела», донесенная до нас «Выбранными местами из переписки с друзьями Николая Гоголя» (СПб., 1847; письмо IV «О том, что такое слово»), было реакцией на строки Державина в стихотворении «Храповицкому» (1797): «За слова — меня пусть гложет, / За дела — сатирик чтит» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II. С. 52).

напитка в стихах могло способствовать возникновению у читателя совсем иных представлений. Именно противодействовать им должны были, видимо, следующие шутки, подчеркивавшие единство пространства, в котором Львову хотелось видеть автора, его переводчика и читателя: «Пожелая <sic!> Анакреону счастливого похмелья, комментариев на хмель его делать я не обязан» (с. 175). «Я просто написал вино; и ежели заболит голова у трезвого моего читателя оттого, что я не разбавил оное водою, в том прошу прощения» (с. 189).

Не соглашаясь с комментарием Анны Дасье к оде XLIV, Львов изображает сначала преувеличенное благоговение перед предшественницей, используя зрительные образы, контрастирующие с тематикой заочного ученого спора, и достигает тем комического эффекта: «Тут на колени я перед г-жою Дасье и руки вверх... прошу французского ее прощения за то, что как ни вертел, сколько мне любимую ее оду ни толковали, как ни читал я переводчиков, не мог дорыться сих таинственных красот, которые бы равняли ее со многими прочими одами Анакреона» (с. 195).

Ряд комментариев в «Стихотворении Анакреона Тийского» явно рассчитан лишь на то, чтобы позабавить читателя, поддержать «взаимную доверенность», почти личное знакомство между ним и переводчиком: «У греков также, как и у латинов, была пословица *garula cornix*. В те времена черные птицы, видно, болтливей были перепелесых, потому что мы говорим: „болтлива, как сорока“» (с. 82).

Столь же непринужденно Львов сталкивает различные представления о загробном мире — языческие и христианские — в комментарии к стиху о хороводах мертвых из оды IV: «...веселому стихотворцу простительно было покойников и танцевать заставить» (с. 74). А о гомозротических отношениях, предположительно связывавших Анакреонта и Вафилла, переводчик посчитал упомянуть хотя и вскользь, но не без игривости: «На счет его [Вафилла. — К. Л.-Д.] есть кое-какие повести, которых женщины его времени ни ему, ни Анакреону не прощали...» (с. 82).⁷²

⁷² Эта тема продолжена в комментарии к XXIX оде, в русском переводе которой семь строк заполнены отточиями: «После 34го стиха пропущены 7 стихов, которых слишком нежели страстное начертание в начальные разве только времена

Комментарии Львова не раз преображаются в почти исповедальные рассказы о переживании им художественных достоинств Анакреонтовых од и потому содержат бесценный материал для характеристики его эстетических воззрений. Так, оду XXXVII Львов считал вслед за другими комментаторами одной из наиболее удавшихся, что побуждает его посвятить ей следующий критический этюд:

Утка плещется водою,

Журавли летят.

Какие ребяческие, кажется, черты! но спроси всякой у своего сердца, к принятию весенних впечатлений еще удобного, не производит ли действительно вид сих мелочных предметов то ребяческое ощущение природы, по милости которого и в важнейших начертаниях находим мы красоты и без чего и *Хариты, усыпанные розами луг, и злачные нивы трудом земледельческим процветающие*, были бы изображения мертвые для ушей, а не для мысленных наших глаз, а не для сердца нашего картины (с. 181–182).

Одной из наиболее характерных черт предисловия и комментариев к «Стихотворению Анакреона Тийского» нужно признать последовательно выраженную в них филэллинистическую позицию. Она присуща и вступительной статье Львова к собранным им русским народным песням (СПб., 1790), и введению к изданию пьесы Екатерины II «Начальное управление Олега» 1791 г. Львов в «Стихотворении Анакреона Тийского» неоднократно подчеркивает особенную близость русского и греческого языков, отмечает их выразительность в противоположность французскому, который назван бедным (с. 78; см. также с. 191). В этом контексте вполне ясны причины пристрастия Львова к слову «хариты», которые он и сам не склонен скрывать:

С французского языка привыкли мы писать и называть грациями спутниц прелестей и красоты, которые харитами у греков именовались; но у французов «*les graces*» в языке принято за *прелести*. У них и прилагательное есть *gracieux*; а по-русски Грации, мне кажется, столько же значат, сколько и хариты, которые, впрочем, к нам соседственнее (с. 74–75).

природы стыдливостию не поражали уши к объяснению того, чего я здесь сказать не мог. Все переводившие Анакреона на европейские языки пропускали их, как и я...» (с. 172). Этот пропуск был до известной степени скомпенсирован тем, что Львов по собственному усмотрению заполнил лакуну в оде XLIX, присочинив по-русски два стиха и без утайки указав в своих комментариях на «несвязность и в самом подлиннике» (с. 265).

По мнению Львова, русскому и греческому языкам присущи преимущества, выделяющие их среди других языков: «В подлиннике на дорическом языке сказано: „μεθυδότης“, то есть: „винодатель“;⁷³ и слово сие не могло, к сожалению госпожи Дасье, на французском языке ее переведено быть без метафоры. Русской язык наш имеет так же, как и греческой, преимущество словосложения, дающего толь сильные и краткие изображения вещам, когда только во зло не употреблено оное» (с. 168–169).

Красной нитью через все издание 1794 г. проходит убежденность Львова о своеобразии каждого языка, уверенность в том, что переводчику необходимо учитывать это обстоятельство в своей работе (см. особенно с. 88–93). Даже между русским и греческим языками, несмотря на их, якобы, близость, существуют различия, с которыми нельзя не считаться, что порой ведет к пояснениям явно излишним, как в случае с данной метонимией: «...во 2 стихе вместо вина в греческом написано: „дайте мне Вакха“, то слово „того“ и сказано в относительном смысле к Вакху. Я, принужден будучи по свойству нашего языка вместо Вакха поставить вино, должен уже написать вместо „цветов того“, „дайте Вакховых цветов“» (с. 89).

Именно осознание различия между языковыми средствами русского и греческого языков побудило Львова отказаться от точного воспроизведения клаузул оригинала и ввести альтернанс:

Сия и следующая за нею ода переведены были мною равным числом стоп против подлинника и тем же, как в греческом, ударением, тем же самым метром хотел я продолжать перевод и всего Анакреона. Хотя сие гораздо бы легче было исполнить по причине одинаких женских стихов, но мне показалось, что единообразие оных на русском языке делает какую-то неприятную звучность для слуха, привыкшего не токмо к разнообразному ударению, но еще и к рифме. А потому и принужденным нашелся перевести те же самые оды вторично, перемешать женские стихи с мужескими и в краткий стих поместить тот же смысл, какой в длинном женском стихе греческого подлинника находится (к, с. 63–64).⁷⁴

⁷³ Точнее было бы, пожалуй, «пьянодатель» или «хмеледарователь», если попытаться дать максимально точный образец перевода.

⁷⁴ Далее «для желающих знать точную гармонию стихов Анакреоновых» приводится первый вариант перевода первой анакреонтической оды, выполненный, по мнению Львова, «греческим метром», а именно: трехстопным ямбом исключительно с женскими клаузулами (с. 64–65).

В комментариях к «Стихотворению Анакреона Тийского» также поясняются некоторые из принципов, которыми руководствовался Львов-переводчик. При всем трепетном отношении к лирике Анакреонта он полагал в ряде случаев возможным отклонения от принципов буквального перевода — в том смысле, как он его, конечно, понимал.

Во-первых, это должно было способствовать более точной передаче авторской мысли на ином языке:

На что вздыхать, тужить, ст. 9.

В греческом сказано:

зачем же заблуждаться в сей жизни.

Литтеральный перевод на русском языке сего наречия не изобразил бы, мне кажется, мысли Анакреоновой, клонящейся к тому, по смыслу автора, что зачем нам заниматься делами, которые, по мнению его, для того только бесполезны, что жизни продолжить не могут (с. 167–168).⁷⁵

Полагая своей главной задачей передачу общего смысла од, Львов допускал устранение некоторых второстепенных, излишних, по его представлению, «украшений»: «...принужден я был пожертвовать некоторыми красотами истине держаться смыслу подлинника, выкинув только один нелепый страдательный глагол» (с. 88). Сходными доводами обосновывалась возможность добавлений при переводе, к примеру, в пояснении к XXII оде: «Я принужден был прибавить журчит убеждением, чтоб не потерять совсем мысли Анакреоновой» (с. 94).

Когда добавления вызваны иными причинами (например, избранным принципом чередования женских и мужских клаузул, как явствует из приводимой ниже цитаты), Львов считал необходимым выделить графически слова, привнесенные переводчиком, так как

⁷⁵ Речь идет о переводе 8–9 стихов оды XXIII:

Τί καὶ μάτην στενάζω,

Τί καὶ ὕβους προπέμπω. (с. 98).

(Что же напрасно стенаю и заранее рыдаю?).

Стоит указать на то, что перевод, который Львов считал более точным, таковым не является. Дело здесь, по-видимому, в неверности подстрочника, которым пользовался поэт. Парадокс и в том, что избранный вариант ближе к подлиннику, чем тот, который Львов полагал «литтеральным». В переводе И. И. Мартынова читаем здесь: «Чему мне суетиться, / Грустить и вздыхать».

это, по его мнению, искажает подлинник (впрочем, подобный графический прием был применен всего один раз):

Если пью вино я сладко. ст. I.

Сей несколько раз в продолжение оды повторенный стих везде сказан просто и одинаково:

Когда я пью вино и проч.

Ни в которой оде не был я столько принужден отступить от подлинника, как здесь, будучи обязан повторять тот же стих то женским, то мужским стихом, прибавлял по необходимости ненужные и незначащие эпитеты: *сладко* и прочее, которые напечатал нарочно косыми буквами для того, чтобы читатель видел, что лишнее и дурное принадлежит мне, а не Анакреону (с. 184–185).

Львов полагал также, что переводчик должен избегать нежелательных параномастических ассоциаций:

Анакреон говорит подле молодого «питуха»,⁷⁶ а слово «питуха» весьма близко на нашем языке к петуху; и для того поставил я:

Подле юного детины,

Что в беседе смело пьет.

чтобы ошибкою чтеца не зайтить в курятник (с. 190).

Лишь один раз изменения были предприняты из соображений модернизации переводимого стихотворения. По неясным соображениям именно в этом случае Львов берет на себя смелость вызывающе порвать с античными реалиями в примечаниях к XXXVIII оде:

Не с тирсом, но бутылкой

Пляшу, когда хочу. ст. 3 и 4.

В подлиннике сказано:

Вместо тирса держу я мех винной.

Я взял смелость убавить оной и дать бутылку, чтобы пляшущего под русскую песню не обезобразить Анакреона (с. 180).

Заметим здесь, что сочетание бутылки с тирсом в переводе античного стихотворения производит, скорее, комическое впечатление. Их упоминание, конечно же, вступало в противоречие с теми заявлениями о единстве и изяществе стиля Анакреонта, которые Львов постоянно делал. Впрочем, даже Анна Дасье, как выше указывалось, допускала некоторую модернизацию переводимого текста для

⁷⁶ Прихотливый перевод «ἑφῆβος» в греческом подлиннике.

того, чтобы приблизить его к иной читательской аудитории. Этот путь на рубеже XVIII и XIX вв. оказался весьма плодотворным, но, конечно же, не в области перевода, но в сфере вариаций и подражаний. Так, цель дать именно «русского Анакреона», Анакреонта, танцующего и поющего на русских нивах, поставил вскоре перед собой Державин в «Анакреонтических песнях» и не без тяжеловесной грации ее достиг.

5. Н. А. Львов — переводчик Анакреонта и анакреонтики

Как уже говорилось выше, важнейшую роль в «Стихотворении Анакреона Тийского» играют различные перитекстуальные поля, в силу чего имеет смысл сначала обратить внимание на заглавия стихотворений. В большинстве случаев их перевод довольно точен (оды I–V, VII–XIX, XXI–XXII, XXIV–XXXIII, XXXVI–XLI, L–LI, LIII, LV, LVI, LXI). Львов явно стремился передать смысл греческих названий, а не следовать слепо за Анной Дасье, допускавшей известные отклонения при их переводе. Куда большее значение, чем ее варианты, для него имел подстрочник, подготовленный «человеком добровольным и греческой язык хорошо знающим».⁷⁷ В некоторых случаях Львов за Дасье поэтому не следовал: так, совпадающие названия двух од «εἰς κόρην» («К девушке») русский поэт перевел и как «К девушке своей» (ода XX) и как «К любовнице» (ода XXXIV); у Дасье в обоих случаях — «À sa maîtresse» («К своей возлюбленной»). Иногда для большего соответствия теме стихотворения и сам Львов изменял названия: так, ода XXXV «εἰς τὴν Εὐρώπην» («На Европу») у Львова озаглавлена «Похищение Европы»; ода VI «εἰς τὸ αὐτό» («О том же», «На то же самое») — «Торжество любви или Ком» и др. Порой Львов давал заглавия одам, их не имевшим, для того, чтобы сразу сфокусировать внимание читателя на центральной теме или образе стихотворения: «На стариков», «На праздник», «Бакханалии», «На оргии», «На фракийскую

⁷⁷ Им, по всей видимости, был И. И. Мартынов, как указывалось выше. Подстрочник не сохранился; о нем можно составить некоторое представление по его части — прозаическому переводу оды I, приведенному на с. XXI–XXII.

кобылицу», «На боязнь девушки», «Знатность и богатство Анакреон ни во что ставил» и т. д.

Греческая анакреонтика написана по большей части либо гемиямбами⁷⁸ (дословно «полуямбами», то есть полустихами ямбического триметра; их метрическая схема: $\times - \cup - \cup - \times$), либо анакреонтеем (метрическая схема: $\cup \cup - \cup - \cup -$), которые лишь изредка разнообразятся анакласисами.⁷⁹ В силлаботонической системе первому размеру наилучшим образом соответствует трехстопный ямб, а второму — четырехстопный хорей; ритмические колебания ни в том, ни в другом по-русски непередаваемы.⁸⁰ Куда сложнее дело обстоит с подлинными стихами Анакреонта — в метрическом отношении они куда более изощрены (см. ниже).

Незнание Львовым греческого языка, как и отсутствие у него углубленных знаний о специфике античного стихосложения, конечно же, исключало передачу метрических особенностей греческого оригинала. Более того, как об этом уже говорилось выше, в предуведомлении к комментариям он обосновал необходимость чередования мужских и женских клаузул в стихотворном переводе во избежание ритмического однообразия.

По всей видимости, выбирая тот или иной размер, Львов опирался на указания автора подстрочника, поэтому оды I–II, IX–XVIII, XXIII, XXV, XXVII, XXX–XXXV, XXXVIII, XLVII, сочиненные гемиямбами, вполне предсказуемо переданы трехстопными ямбами, а оды III–VIII, XXI–XXII, XXIV, XXVIII–XXIX, XXXVII, XXXIX, XLI–XLVI, L–LI, LIII–LIV, написанные анакреонтеем, — четырехстопным хореем. Все же в ряде случаев (и чем дальше к концу книги, тем таких случаев больше) все сделано с точностью до наоборот: гемиямбические оды XIX–XX, XL, LV переведены четырехстоп-

⁷⁸ Подробнее о метрах эллинистической анакреонтики см. в предисловии к кн.: *Carmina anacreontea* / Edidit M. L. West. Leipzig, 1984. P. XIV–XVI.

⁷⁹ Этот размер нередко фигурирует в названии анакреонтических сборников — «στυλοστάκx ἡμιᾶμβια» (т. е. «пиршественные гемиямбы»).

⁸⁰ Немецкий опыт перевода стихов Анакреонта и анакреонтики в силу утверждения в XVIII в. в русской поэзии силлаботоники, конечно же, был определяющим. В Германии в подобных случаях избирались трехстопные и четырехстопные хорей и ямбы (*Ausfeld F. Die deutsche anacreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts*. S. 141).

ными хорейми; а оды XXXVI, LII, LXI,⁸¹ написанные анакреонтеем, — трехстопными ямбами. Для од XLVIII–XLIX избран четырехстопный ямб, хотя они тоже написаны анакреонтеем. Лишь одно эллинистическое подражание метрически неоднородно — ода XXVI состоит из семи гемиямбов и трех заключительных анакреонтеев. Эта двусоставность проигнорирована в хореическом переводе.

Заслуживает внимания и следующий метрический ход Львова в основном корпусе переведенной им анакреонтики. Уклоняясь от перевода семи стихов в оде XXIX, откровенный гомоэротизм которых его смутил, он не только заполняет пять строк отточиями, но и усекает стих, им предшествующий, с четырехстопного хорей до трехстопного. Лакуна, таким образом, подготовлена средствами метра. На лексическом же уровне упоминание стегн содержало явственную «эротическую подсказку»:

Руки же ему и грудь
Ты Гермесовы приделай.
Стегна Поллукса...
.....
.....
.....
Но завистливым искусством
Ты почто закрыл плеча?
(с. 119, 121).

В заключительной части «Стихотворения Анакреона Тийского» метрика греческих стихов все более разнообразилась и усложнялась — именно здесь сосредоточена значительная часть подлинных стихотворений, действительно принадлежащих Анакреонту (оды LVI–LX, фрагменты LXII–LXVII).⁸² Какой-либо последовательности в выборе силлабо-тонических метров для передачи античных размеров Львов в этой части книги не продемонстрировал.

И ода LVI, и ода LVII написаны анакреонтеем, несмотря на это они переведены Львовым различными размерами: первая — четы-

⁸¹ Эта эпиграмма, как уже отмечалось выше, Анакреонту не принадлежит; см. выше примеч. 24.

⁸² О подлинности од см. выше примеч. 21; там же содержатся отсылки к современным изданиям текстов, переводы которых рассматриваются ниже.

рехстопным хореем; вторая — трехстопным ямбом. Для оды LVIII, считавшейся до XX в. подлинной, в силу доминирования в ней анакреонтеев хорей был бы более органичным, ибо первый стих оды — гемиямб, а четыре остальных — анакреонтеи. Львов переводит ее единообразно четырехстопным ямбом.

Куда более сложна логоэдическая структура оды LIX,⁸³ в силу чего хотелось бы воздержаться от высказывания мнения о предпочтительности каких-либо силлабо-тонических размеров для ее перевода. Ода LX, знаменитое обращение к кобылице, написано трохаическими диметрами, почему выбор Львовым четырехстопного ямба следует признать неудачным, а сам его перевод вяловатым и не выдерживающим сравнения с хореическим шедевром Пушкина «Кобылица молодая...».⁸⁴

Судя по тому, что «Некоторые отрывки из Анакреоновых од» (они же оды LXII–LXVII) напечатаны большей частью как слитный текст, ни Львов, ни его консультанты не имели верного представления об их нетривиальной метрической структуре. Поэтому вполне произвольным следует признать выбор четырехстопного ямба (оды LXII–LXV) и четырехстопного хорей (оды LXVI–LXVII) при их переводе.

Семь подлинных эпиграмм Анакреонта, напечатанных в заключительном разделе книги (с. 253–259),⁸⁵ написаны элегическим дистихом,⁸⁶ размером, примеры которого уже имелись в русской поэзии, но который еще ею в конце XVIII столетия в целом освоен не был.⁸⁷ Львов и здесь действует, скорее, по наитию, избирая глав-

⁸³ Она состоит из гликонеев (стихи 1–2, 4–7; метрическая схема: xx–uu–ux) и ферекретеев (стихи 3 и 8; метрическая схема: xx–uu–x).

⁸⁴ Переводы Львова и Пушкина сопоставлены в статье: *Тенерик Т. Ф.* Н. А. Львов — переводчик Анакреонта // *Alexandro Il'ušino Septuagenario oblata*. М., 2011. С. 254–261.

⁸⁵ О них см. выше примеч. 22.

⁸⁶ Деление на стихи в греческом тексте этих эпиграмм произведено вполне корректно в отличие от предыдущего раздела.

⁸⁷ Впервые три элегических дистиха собственного сочинения, в которых количественные стопы заменены качественными аналогами, привел Третьяковский в своей пространной статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755); следующим полноценным образцом этого размера в русской поэзии стало «Осьмнадцатое столетие» Радищева (см. подробнее: *Дрейдж Ч. Л.* Элегический дистих в русской поэзии // *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная*

ным образом трехстопные и четырехстопные ямбы;⁸⁸ лишь эпиграмма VII переведена хореем. А в эпиграмме III поэт комбинирует шестистопные и трехстопные ямбы (Ябж+ЯЗм+ЯЗм+ЯЗж+Ябм),⁸⁹ однако их число и расположение никоим образом не напоминает чередования двух гекзаметров с двумя пентаметрами в оригинале. В этом пятистишии один стих оставлен холостым, остальные зарифмованы:

III. На Клеонорида

В отечество свое Клеонорид спешивший
 На смерть свою спешил.
 И в зиму южный ветр,
 На путь его прельстивший,
 В цветущей юности волною поглотил.
 (с. 255).

Львов отдавал себе отчет об отсутствии рифм в переводимых им стихах, в конце которых гомеостелевты, если и возникают, то случайно. Подобные, произвольно возникавшие рифмоиды и спорадические рифмы (большей частью глагольные) находим и в переводах Львова (в оде III: трудом/кольцом; сказал/выжимал; в оде XXVI: подать/лежать и проч.). Поэт явно не ставил себе целью украсить ими перевод, но и не стремился к тому, чтобы их обязательно не было.

Несмотря на это предпочтение белого стиха, Львов в некоторых случаях как бы ненароком, но отнюдь не целиком зарифмовывает две оды, а также ряд эпиграмм.⁹⁰ При этом в оде XXIII холостыми оставлены лишь первый и третий из 17 стихов, в оде XXV — пер-

поэтика: Мат-лы междунар. конф. 23–27 июня 1998 г. / Под ред. М. Л. Гаспарова, А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М., 2001. С. 72–85).

⁸⁸ В эпиграмме первой Львов их даже комбинирует (Я4м+ЯЗж+ЯЗм); во второй и четвертой это трехстопный ямб; в пятой и шестой — ямб четырехстопный.

⁸⁹ Здесь и далее при описании стихов избрана система сокращений, используемая в Национальном корпусе русского языка; см. ее подробное обоснование в статье: Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.

⁹⁰ Напомню, что в «Разговоре с Анакреоном» Ломоносовым зарифмованы четыре переводные оды.

вый из десяти, в эпиграмме I — второй из трех, в эпиграмме III — третий из пяти, в эпиграмме VI — первый из пяти, эпиграмме VII — первые три из семи. Как катрен с перекрестной рифмовкой переведена ода LXVIII, она же «Надгробная надпись Анакреону, Иулианом сделанная».⁹¹

Весьма характерно, что стихи не рифмуются в зачинах од, тем самым на первый взгляд они выглядят, как белые. Лишь тому, кто «вчитался» в оду, становится ясным, что он имеет дело с текстом, по большей части рифмованным. Смысл этого усложнения стихотворной ткани чисто игровой: внезапно приближая Анакреонта к вкусам конца XVIII столетия, Львов освежает восприятие читателя (конечно же, если тот достаточно зорок или, говоря современным языком, в должной степени компетентен), побуждая его в дальнейшем к внимательности. Повышенный лудизм этого приема сказывается в том, что и в оде XXIII, и в оде XXV Львов прибегает к рифме сквозной.⁹² В первой из них это почти нарочитая цепочка из восьми глагольных рифм; во второй — из трех.

Далее, чтобы дать более полное представление о работе Львова-переводчика, рассмотрены некоторые, особенно важные для русской анакреонтической традиции оды из «Стихотворения Анакреона Тийского» в их отношениях к подлиннику и к переводам на европейские языки. При этом внимание обращено в наибольшей степени на отклонения от оригинала (как случайные, так и детерминированные идеологически, а именно: русификация), на эквилибрность, на передачу мифологических имен. Для этого избраны оды I, III, XXXVIII, LV, LVI (здесь и далее сохраняется нумерация в «Стихотворении Анакреона Тийского») — они переводились и Ломоносовым (I, III, XXXVIII), и Пушкиным (LV, LVI).⁹³

⁹¹ Этот элегический дистих Юлиана Египетского переведен четырехстопным ямбом.

⁹² Игровое отношение к рифме («spielerische Behandlung des Reims») и склонность к многократной рифме отмечены Ф. Аусфельдом у немецких анакреонтиков под влиянием «Путешествия Шапеля и Башомона» (1656), столь ценимого Львовым (*Ausfeld F. Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts. S. 22, 91–93*).

⁹³ Сведения о русских переводах этих и других стихотворных произведений см. в кн.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиогр. указ. / Сост. Е. В. Свиясов; науч. консультант С. А. Завьялов. СПб., 1998.

При анализе перевода первой анакреонтической оды исследователь поставлен в наиболее благоприятные условия, ибо в предисловии, иллюстрируя принципы своей работы, Львов привел текст подстрочника, которым пользовался (ниже его отрывок дан справа от греческого текста). Первая ода отличается простотой языка и лаконичностью, что не создает больших сложностей при ее переводе. Тем интереснее небольшая неточность подстрочника — личная форма аориста от глагола «ἀμείβω» (обменивать, переменять) переведена в нем как «настроивал»:

Ἦμειψα νεῦρα πρόην	Настроивал струны недавно
Καὶ τὴν λύρην ἄλασαν. ⁹⁴	И лиру всю.
(с. XXI).	(с. XXI).

Львов избирает компромиссный вариант, который, видимо, следует объяснить оглядкой на переводы предшественников.⁹⁵ Лиру у него не заменена на новую, натянуты лишь новые струны:

Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул (с. 5).

В начальной части оды III особенно удачным следует признать перевод «ὀχεύς» (ручка, засов) как «кольцо», способствующий созданию конкретного образа:

Τότ' Ἔρως ἐπίσταθεις μεῦ ⁹⁶	У дверей моих внезапно
Θυρέων ἔκοпт' ὀχῆας.	Постучал Эрот кольцом
(с. 8).	(с. 9).

Далее обращают на себя внимание следующие решения: метафора «σχιζεῖν ὀνείρους» (расщеплять, разделять сновидения) переведена с использованием русской идиомы «сладкий сон» («И тревожит сладкий сон?»), вызывающей фольклорные ассоциации; греческий стих «Μερόπων δὲ φύλα πάντα» («Все народы, все племена людей»)⁹⁷ передан как «все звания людей», что вряд ли удачно,

⁹⁴ Сменил недавно струны и всю лиру (*пер. с древнегреч.*).

⁹⁵ Так, у Ломоносова: «переменил», у Дасье: «Je changeai», у Гакона: «je change», у Мейнеке: «wechselt' ich» и т. д.

⁹⁶ В то время Эрот постучал ручкой моих дверей (*пер. с древнегреч.*).

⁹⁷ Ср. у Анны Дасье: «tous les hommes» (все люди), у Мейнеке: «Und der sterblichen Geschlechter» (смертных племена).

если учесть, что ода открыта воистину космическим образом («В час полуночный недавно, / Как Воота под рукой / Знак Арктоса обращался...»).

Заключительная часть оды III (стихи 28–32) переведена с некоторыми вольностями, заметно смещающими акценты:

Ἄνὰ δ' ἄλλεται καχάζων,
Ξένε δ', εἶπε συγγάρηθι.
Κέρας ἀβλαβὲς μὲν ἐστι,
Σὺ δὲ καρδίην πονήσεις.⁹⁸
(с. 10).

Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое»
(с. 11).

Причастная форма глагола «καχάζειν» (громко смеяться, хохотать) здесь передана словосочетанием «с улыбкой», хотя у других переводчиков смысл не претерпел подобной модификации.⁹⁹ Собственно концовка оды III в «Стихотворении Анакреона Тийского» смягчена в ущерб подлиннику, где на первом плане — боль, мука, принесенная неблагодарным Эротом хозяину (ср. у Ломоносова: «Ты будешь век крушиться / Отнынь, хозяин мой»). У Львова сценка лишается этого напряжения, становится менее выразительной — Эрот пробует лук и призывает хозяина веселиться, из чего отнюдь не следует, что любовь принесет тому лишь страдания.

Анакреонтическая ода XXVIII служила в течение многих столетий образцом стихотворного экфрасиса. Лирический герой обращается в ней к художнику, прося с его слов нарисовать возлюбленную. И хотя воображаемый стихотворный портрет у Львова очень близок к оригиналу, в нем есть труднообъяснимые неточности: так, «нежный подбородок» («τρυφερὸν γένειον») из двадцать пятого стиха оды стал почему-то в переводе «двойчатым».

Описание лица девушки в подлиннике занимает восемь стихов (это стихи 17–24), а в «Стихотворении Анакреона Тийского» — десять, причем можно проследить, как Львов, сохраняя общий смысл отрывка, «оживлял» его:

Τὸ δὲ βλέμμα νῦν ἀληθῶς
Ἀπὸ τοῦ πυρὸς ποίησον,

Напиши ее глаза,
Чтобы пламенем блистали,

⁹⁸ Подпрыгивает вверх, громко смеясь, и говорит: «Радуйся, хозяин, лук не испорчен, сердце будет мучить тебя» (пер. с древнегреч.).

⁹⁹ У Дасье, например: «en riant de toute sa force» (смеясь изо всей своей силы).

Ἴμα γλαυκὸν ὡς Ἀθήνης,
Ἴμα δ' ὑγρὸν ὡς Κυθήρης.
Γράφε ῥίνα καὶ παρειάς,
Ῥόδα τῷ γάλακτι μίξας.
Γράφε χεῖλος οἷα Πειθοῦς,
Προκαλοῦμενον φίλημα.¹⁰⁰
(с. 112).

Чтобы их лазурный цвет
Представлял Паллады взоры;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешенным;
И приветствием уста
Страстный поцелуй зовущи.
(с. 113).

В русском тексте есть и добавления, и небольшие изменения. Облик изображаемой девушки эротизирован двойным введением эпитета «страстный», отсутствующим в оригинале: так, взгляд назван не просто «влажным» («ὑγρός»), а «страстно-влажным»; «уста, как у Пито, зовущие поцелуй», становятся «приветствием уста страстный поцелуй зовущи».

И для эпитета «μέλας» (черный) в седьмом, и для «πόρφυρος» (темный) в десятом стихе той же XXVIII оды избран эквивалент «русые», что позволяет говорить о целенаправленной, хотя и весьма осторожной русификации переводимого текста. Львов производил «акклиматизацию» Анакреонта и в других одах весьма умеренным введением национально маркированных лексических средств, причем стилистика и образный строй стихотворений при этом не претерпели каких-либо существенных изменений. Немаловажно и то, что количество стихов, ей подвергшихся, весьма незначительно. Перечислю поэтому здесь же те случаи, когда она, на мой взгляд, имеет место: В одах VIII и XXXIX слова «παῖς» (мальчик, ребенок) и «κόρος» (мальчик, юноша) переведены как «молодёц», в XLIII «ἔφηβος» (юноша) — как «детина»; в LIV оде словосочетание «πάρεστιν ἡβη» (наступает молодость) передано как «становлюся молодцом». Как уже указывалось выше, только один раз сходное изменение оговорено в примечаниях к оде XXXVIII.

Принцип эквилинеарности русским поэтом не соблюдался, поэтому число стихов лишь в двенадцати одах из переведенных шестидесяти одной (не считая малые по объему отрывки од и эпи-

¹⁰⁰ Теперь истинно из огня сделай ее глаза одновременно голубые, как у Афины, и влажные, как у Киферы. Нарисуй нос и щеки, смешав розы с молоком, нарисуй уста, как у Пейто, зовущие поцелуй (*пер. с древнегреч.*).

граммы) соответствует количеству в оригинале. Подобные «приращения» по большей части незначительны, лишь ода XVIII вместо 19 стихов стала насчитывать 30. Очень редко оды в «Стихотворении Анакреона Тийского» короче (как, например, ода LV), чем в подлиннике. Львов в этом стихотворении с большой точностью, избегая повторений, передает авторскую мысль, сжав восемь греческих стихов до шести русских и передав гемиямб хореем:

Ἐν ἰσχύοις μὲν ἵπποι
Πυρὸς χάραγι' ἔχουσι,
καὶ Παρθίους τις ἄνδρας
Ἐγνώρισεν τίαιαις·
Ἐγὼ δὲ τοὺς ἐρῶντας
Ἰδὼν ἐπίσταμ' εὐθὺς.
Ἔχουσι γάρ τι λεπτὸν
Ψυχῆς ἔσω χάραγμα.¹⁰¹
(с. 230).

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.
(с. 231).

Львов, как и большинство русских переводчиков XVIII в., не дифференцировал употребление греческих и латинских мифологических имен, поэтому в «Стихотворении Анакреона Тийского» рядом встречаются имена Дианы и Артемиды, Венеры и Афродиты, Купидона и Эроса и т. д. Тем существеннее тенденция, наметившаяся при подготовке второго издания: в ряде случаев поэт приблизил написание слов к византийской традиции (вместо «Бакхилид» — «Вакхилид», вместо «Феб» — «Фив», вместо «амброзия» — «амврозия» и т. д.), а некоторые римские мифологические имена заменил на греческие («Эрот» вместо «Купидон»).

Но попробуем наконец оценить значение «Стихотворения Анакреона Тийского» в целом, как культурного явления.

Благодаря Львову Анакреонт (или, точнее, стихотворный корпус, связывавшийся эпохой с его именем) впервые был представлен в России столь внушительным собранием. И стихи греческого лирика, и эллинистические подражания в «Стихотворении Анакреона Тийского» были существенно обогащены перитекстами, содержащими пояснения основного корпуса произведений и рельефно

¹⁰¹ На бедрах коней есть клейма, а парфянских мужей узнают по тиарам, я же, увидев влюбленных, тотчас распознаю, ибо имеют тонкую метку на сердце (*пер. с древнегреч.*).

представлявшими общую концепцию творчества теосского лирика. Весьма подробно в книге были объяснены и принципы, которыми руководствовался переводчик.

Воззрения Анны Дасье на Анакреонта, глубоко укорененные в ценностях французского классицизма XVII в., как несложно заметить, имели для Львова, скорее, значение исходного пункта. Он солидарен с суждениями предшественницы и о простоте и изяществе стихов Анакреонта, и о многообразной пользе от их чтения, и о том, что нельзя совершенно игнорировать «дух времени». Именно потому при переводе можно несколько отклониться от оригинала, несколько его модернизировать, но делает Львов это на свой, русский лад. При этом он — писатель иной эпохи и иной страны, а потому в его апологии древности слышатся отзвуки неоклассического поклонения античности с преимущественно филэллинистическим оттенком; оно набирало силу как раз во второй половине XVIII столетия. У его истоков стоял Винкельман, выразивший в формуле «благородная простота, спокойное величие» новое понимание греческого искусства и его идеалов.¹⁰² Русский поэт был куда более восторжен в своих характеристиках, чем его французская предшественница; этому в немалой степени способствовало обольщение политическими успехами Российской империи в борьбе с Турцией и живое переживание греко-русского духовного и религиозного сродства. Таковы истоки весьма умеренной «акклиматизации» подлинника к новым условиям, которую Львов изредка предпринимал. Русификация указывала и на место создания перевода, и на универсальное значение Анакреонта, обретшего теперь новое словесное воплощение и долженствующего стать неотъемлемой частью русской культуры, и на новое окружение, в котором текстам греческого поэта предстоит жить и благотворно воздействовать на читателя. По пути, намеченному Львовым, куда дальше пошли его ближайшие друзья — Державин в «Анакреонтических песнях» и Капнист в подражаниях Горацию. Проницая вечное и общечеловеческое в национальном, они свободно варьировали заимствованные мотивы и сопрягали их с русскими реалиями. Да и

¹⁰² Увлечение Львова Винкельманом наиболее полно отразилось в его «Итальянском дневнике» 1781 г.

сам Пушкин, перелагая позднее оду LX, сменил фракийскую кобылицу на «честь кавказского тавра», руководствуясь сходными побуждениями.

«Стихотворение Анакреона Тийского» — несомненно большой художественный успех самого Львова, преследовавшего в отличие от Анны Дасье цели отнюдь и не в первую очередь академические. Она, переведя Анакреонта прозой, не была склонна пускаться в восторженные отступления. Львов же не только избирает для перевода стихотворную форму, но и новаторски использует в своих целях перитекстуальное пространство, усложняя перспективу читательского восприятия стихов Анакреонта и одновременно умело направляя его в желаемое русло. Львов также фикционализует предисловие и комментарии, в которых не только сообщает информацию и предпринимает уточнения, как это было принято в эдичионной практике его эпохи, но и вступает в свободную беседу с читателем и, имитируя устную речь, повествует от первого лица (случай для текста, претендующего на некоторую научность, довольно необычный). Таким образом, в перитекстах «Стихотворения Анакреона Тийского» Львов целенаправленно использует прием наррации, названный позднее сказом,¹⁰³ благодаря чему из перитекстов книги вырастает ярко очерченная фигура Переводчика (с историческим Львовым, конечно, отнюдь не тождественная, хотя и автобиографичная). Именно через призму его повествования и мировосприятия подаются сведения и об Анакреоне, и о самом Переводчике. Те, кто читал «Стихотворение Анакреона Тийского», не зная о причастности Львова к нему, составлял себе мнение именно о Переводчике — восторженном поклоннике поэзии, нашедшем благодаря Анакреонту верные эстетические (да и этические) ориентиры, преодолевшем свои юношеские увлечения литературой Нового времени. Именно этот автобиографичный, но не внешний, а внутридушевный сюжет постижения красот поэзии Анакреонта и ее переложения в русские стихи развивается в предисловии последовательно, а в примечаниях — дискретно, на примере работы с отдельными одами. В пандан к Переводчику-повествователю

¹⁰³ Упомяну блестящий пример сказа в художественной прозе Львова — «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня».

в тексте книги ошутим и вписанный в него Читатель, с которым ведется беседа, у которого может и разболеться голова при излишнем упоминании в стихах вина и с которым следует быть в высшей степени честным, ставя его сразу в известность о любых отклонениях от оригинала. Этот Читатель — потенциальный единомышленник Переводчика; имплицитно, что он способен и воспринять шутки, и стать столь же убежденным поклонником Анакреонта, сколь и Переводчик.

Успех Львова был не только собственно литературным, но и общекультурным — поэт выступил в благородной роли посредника между русской и европейскими культурами, популяризовав у себя на родине накопленные его западными предшественниками сведения об Анакреонте, о его подлинных и приписывавшихся ему произведениях. При этом, разделяя со своей эпохой заблуждения относительно принадлежности Анакреонту многочисленных эллинистических подражаний, Львов был весьма далек от верного понимания наследия античного лирика, почему о его филологическом успехе вряд ли можно говорить.¹⁰⁴ Даже избрав себе в качестве путеводителя Анну Дасье — одного из лучших знатоков древности начала XVIII в., чьи труды еще долго сохраняли научное значение и во многом определяли рецепцию многих древних авторов во всей Европе, в том числе и в России,¹⁰⁵ — Львов никоим образом не мог приблизиться к подлинному пониманию поэзии Анакреонта.

Все эти обстоятельства стали причиной произвольности общей концепции, положенной в основу «Стихотворения Анакреона Тийского»; ее значение в первую очередь историческое — это важный опыт любовного приближения к древности, выработки парадигм для усвоения ее культуры в России. Именно поэтому на каждой странице книги ошутим пафос восторженного, а порой и несколько наивного освоения пространств европейской культуры. Сами же стихотворные тексты, составившие ядро книги, стали важной вехой в истории русского переводческого искусства.

¹⁰⁴ Отмечу, что в отношении многих других греческих авторов, как, например, Гомера, ученые XVII–XVIII вв. были куда ближе к современному уровню изучения.

¹⁰⁵ Так, и позднее, уже в XIX в., издания Гомера, подготовленные А. Дасье, входили в круг литературы, использовавшейся Гнедичем при переводе «Илиады» (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 155).

В то же время нельзя отрицать и абсолютного значения «Стихотворения Анакреона Тийского» как незаурядного художественного свершения. Общая концепция творчества Анакреонта (пусть и весьма произвольная) была реализована Львовым на разных уровнях книги, что придало ей стилистическое единство и яркий колорит. Именно поэтому правомерно говорить об этой книге и как о замечательном памятнике русской литературы XVIII в., и как о собрании стихов, созданных на одном дыхании, и как об игровом макротексте, манифестировавшем принципы поэтики Львова.